

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 46

№ 25 (4467)

19 июня 1974 г. СРЕДА

Все трудящиеся с огромным воодушевлением восприняли речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа столицы.

Его выступление дан глубокий анализ сделанного после XXIV съезда партии, всесторонне показаны исторические успехи ленинского курса КПСС, ярко очерчены дальнейшие перспективы коммунистического строительства в нашей стране, задачи борьбы за прочный мир и социальный прогресс во всем мире.

СЛАВА ТРУДУ!

Фото А. АБАЗЫ

С ПОЛНОЙ УБЕЖДЕННОСТЬЮ В СВОЕЙ ПРАВОТЕ МЫ УТВЕРЖДАЕМ, ЧТО ИМЕННО СОЦИАЛИЗМ И ТОЛЬКО СОЦИАЛИЗМ ОБЕСПЕЧИВАЕТ НА ДЕЛЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СВОБОД, ПОДЛИННЫЙ ДЕМОКРАТИЗМ ПРОНИЗЫВАЕТ ВСЕ СФЕРЫ НАШЕГО ОБЩЕСТВА, ЭФФЕКТИВНО ОБЕСПЕЧИВАЕТ НАШ ИНТЕРЕС И ПРАВА ВСЕГО НАРОДА ТАК И ИНТЕРЕСЫ И ПРАВА КАЖДОГО ГРАЖДАНИНА И ГЛАВНЫМ НОСИТЕЛЕМ ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ ГАРАНТОМ ЕЕ УСПЕШНОГО ПОСТУПАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ВЫСТУПАЕТ НАША ЛЕНИНСКАЯ ПАРТИЯ.

Из речи товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы

ВЫБОРЫ в Верховный Совет СССР ярко и убедительно показали, что наш народ гордится и одобряет и полностью поддерживает внутреннюю и внешнюю политику КПСС и Советского государства. Идея решения XXIV съезда партии последовательно и неуклонно воплощается в жизнь. Под их благотворным воздействием развилась и развивается все общественно-политическая жизнь страны.

Время выборов — время подведения итогов. Но мы не только сверяем цифры и оглядываемся на пройденный путь. В эти дни мы намечаем и планы на будущее. Вот почему сейчас можно говорить о начале нового созидательного подъема, подвига во имя счастливой жизни на земле, и вот почему, уже по сложившейся традиции, советские люди встретили день выборов большими трудовыми свершениями. Сейчас, в зените четвертого года девятой пятилетки, мы с уверенностью говорим о том, что трудящиеся сделали многое для выполнения и перевыполнения заданий девятой пятилетки.

изведений литературы и искусства, и воспитание нашей молодежи, и миролюбивая политика первого на земном шаре государства рабочих и крестьян. Слова Леонида Ильича Брежнева, проникнутые заботой о благо народа, удостоверяют советских людей в новых трудовых свершениях.

Мы — оптимисты. Это вовсе не значит, что мы наивно люди, глядящие на мир через розовые очки. Мы отлично сознаем трудности,

сплоченности нашего общества не только в политике, но и в экономике, и в культуре, и в науке, и в искусстве. Мы знаем, что путь к будущему лежит через преодоление трудностей, через преодоление трудностей, через преодоление трудностей.

девятого созыва Верховного Совета СССР пройдут в напряженном творческом труде. Будут построены новые заводы и плотины, будут выращены обильные урожаи, будут написаны новые книги. Эти годы приблизят к нам грядущее, мы уже чувствуем на своем лице его горячее дыхание. Сейчас готовится новый, десятый, пятилетний план. В соответствии с указаниями XXIV съезда КПСС план этот вводит в действие народное хозяйство на 1976—1990 годы. Он — ее составная часть.

СВЕТ ДРУЖБЫ И ТВОРЧЕСТВА

ЗАВТРА в Алма-Ате торжественно открываются дни советской литературы, в которых примет участие большая группа видных литераторов страны во главе с первым секретарем правления Союза писателей СССР Георгием Мокеевичем Марковым.

Каждый из казахстанцев рад видеть и от всей души приветствовать наших дорогих гостей, представителей многонациональной советской литературы, а также наших зарубежных гостей.

Трудящиеся республики хорошо знают и любят их творчество, а с многими из них давно знакомы по проведенным в Казахстане декадам литературы и искусства британских республик, по такому знаменитому форуму, каким стала для всех нас V Конференция писателей стран Азии и Африки в Алма-Ате.

Д. А. КУНАЕВ,
член Политбюро ЦК КПСС,
первый секретарь ЦК Компартии Казахстана

СССР, овекая бессмертная ленинская идея и обогащенная всемирно-историческим опытом строительства социализма и коммунизма в нашей стране, превратилась в могучую духовную силу.

Принципиальное внимание актуальным вопросам дальнейшего развития литературы уделено в исторических решениях XXIV съезда КПСС, в постановлении ЦК КПСС «О литературе — художественной критике», документах нашей партии, посвященных 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик.

Все это действительно стимулирует творчество, процесс художественного творчества всех братских литератур народов СССР, всей советской литературы, всякой творческой энергии, а именно — социалистического реализма.

Вершинные достижения советской литературы, рожденные чудесным сплавом реалистического идеала и революционной идеологии, образы, идеи, чувства, даже отдельные строки,

повторяемые миллионами читателей, стали одной из характерных черт нашего социалистического бытия, неотделимой частью духовной жизни общества зрелого социализма, новой исторической общности людей — советского народа.

Когда мы говорим о гармоничных отношениях, сложившихся в нашем обществе, об отношениях нерушимого братства, о дружбе и сотрудничестве, о животворном советском патриотизме, о единстве и сплоченности народа вокруг высших целей строительства коммунизма, морально-политическом облике, интеллекте духовной зрелости наших людей, то в числе многих факторов, способствующих этому, непременно называем и нравственное воздействие советской культуры. Можно сказать, что человек с киятой стал свидетелем наших дней.

Правдиво отобразила великие социалистические преобразования, выработку нового сознания, советская литература, с позиций коммунистического идеала решительно борясь со всем

чуждым нашему образу жизни, не только утверждает новый мир, но и активно призывает идти вперед, выдвигает в первые шеренги строителей этого мира десятки и сотни тысяч положительных героев. Именно этим и сильно наше многогранное художественное творчество.

История и современность великой Страны Советов воспитали людей корчагинского типа, которые в свою очередь породили филологически достоверных, художественно убедительных литературных героев, принципиально новых героев в истории советского характера.

Небывалое по своим моральным, социально-политическим характеристикам явление — советский человек — неисчерпаемая и благодарная тема художественного исследования. Она утверждена самой жизнью и мастерами старых поколений наших литераторов, чьи творческие высоты и традиции достойны многие из современных писателей.

Советская литература несет миру истинный гуманизм, утверждающий свободу человека от любых форм угнетения, светлые идеалы подлинного социального прогресса. Провожающая и

Вадим КОЖЕВНИКОВ

ДЛЯ БРАТА СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

которые стоят перед нами. Но мы твердо верим: грядущее принесет нам и нашим детям счастье.

Наше замечательное время отмечено трудом, энергией, талантом народа, который творит свою славную историю, приумножая духовные и материальные богатства, приближая день торжества коммунизма. «У нас сформировалась новая историческая общность людей — советский народ — советский народ», — подчеркнул в своей речи на встрече с избирателями Леонид Ильич Брежнев. «А это означает, что все более заметными становятся общность, не зависящая от социальных и национальных различий, черты поведения, характера, мировоззрения советских людей. Это означает, что союз рабочего класса и крестьянства, всегда составлявший основу социалистического строя, нашел свое развитие в нерушимом единстве этих классов с интеллигенцией, которая давно и твердо стоит на позициях социализма».

Без тесного единства и

позиций Советского Союза и других стран социалистического содружества на международной арене. У всех советских людей, у всего народа и общие идеалы, общие цели и общие задачи. Мы сильны, потому что мы едины!

Многое изменилось за последние годы в нашей политике. Произошел перелом в международной ситуации, теплые ветры разрядки подул над планетой. Прогнозав за своих кандидатов в депутаты в Верховный Совет СССР, советские люди еще раз выказали «одобрение Программе мира», выдвинутой XXIV съездом партии.

«Я часто задумываюсь над тем, что такое «праздник». Из чего он складывается, наши праздники? И прихожу к выводу, что праздник — тоже ступень в будущее. Праздник невозможен без светлой перспективы. День выборов был именно таким праздником. В нем сплослось многое, и многому в этот день было положено начало.

Следующие четыре года

Нас всех искренне возлюбили слова Леонида Ильича Брежнева, сказанные им на встрече с избирателями: «Страна ждет от писателей и всех работников советского искусства новых высокохудожественных произведений о наших соплеменниках».

Нет благороднее задачи для художника, чем работать над созданием образа человека, который воплощает в жизни грандиозные задачи строительства коммунизма. Советские писатели полны решимости ответить на призыв партии произведеними, в которых достойно была бы запечатлена наша великая эпоха.

ГРАНИ РАБОЧЕЙ ТЕМЫ

КРУГЛЫЙ СТОЛ «II»

стр. 4

К ДНЯМ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КАЗАХСТАНЕ

СТИХИ КАЗАХСКИХ ПОЭТОВ

стр. 7

ПЯТИЛЕТКА: ПРОБЛЕМЫ, СУЖДЕНИЯ

* КОНКУРСНЫЙ ОЧЕРК «АГ»

* ПИСЬМА О СОРЕВНОВАНИИ

стр. 10

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении орденом Ленина Кенена Азербеева

За большие заслуги в развитии советской литературы и в связи с девяностолетием со дня рождения награждать народным орденом Казахской ССР Кенена Азербеева орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР И. ПОДГОРНЫЙ, Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 14 июня 1974 г.

17 августа 1934 года. Москва. Колоний зал Дома союзов. На трибуне А. М. Горький: «Прежде чем открыть первый за всю многовековую историю литераторов съезд социалистических республик, я — по праву председателя Оргкомитета Союза писателей — разрешаю себе сказать несколько слов о смысле и значении нашего съезда. Значение это — в том, что разноплеменная, равноязычная литература всех наших республик выступает как единое целое перед лицом пролетариата Страны Советов, перед лицом революционного пролетариата всех

стран и перед лицом дружественных нам литератур всего мира».

Мишло сорок лет. 3 сентября нынешнего года в Москве в Колоний зале Дома союзов соберутся художники слова — представители всех литератур нашей многонациональной страны на пленум правления СП СССР, посвященный 40-летию I Всесоюзного съезда советских писателей. На пленум будут приглашены делегаты первого писательского форума.

События о юбилейном пленуме, первый секретарь правления СП СССР Г. Марков подчеркнул, что он должен стать demonstra-

...СПУСТЯ СОРОК ЛЕТ

цией расцвета многонациональной советской литературы, еще одним свидетельством единения наших писателей под знаменем партии.

На заседании секретариата было принято решение поручить республиканским областным и городским писательским организациям развернуть подготовку к предстоящему юбилею, организовать широкую публикацию материалов, показывающих, что все эти годы,

пройденные советской литературой после I съезда, были отмечены нерасторжимой слитностью с делами партии и народа; организовать проведение торжественных заседаний, научно-теоретических конференций, читательских вечеров, посвященных 40-летию I Всесоюзного съезда советских писателей.

Естественным продолжением разговора о предстоящем пленуме стало подведение итогов регионального совещания в Лахадаре на

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

тему «Революционное движение и социалистическое строительство в республиках Средней Азии и Казахстана, их отражение в литературе». Ю. Суровцев рассказал собравшимся, что совещание прошло на высоком уровне. Этому способствовали и представительность делегации, куда, кроме критиков и литературоведов, входили прозаики и поэты, разрабатывающие историко-революционную тематику. И внимание к со-

вещанию со стороны партийных организаций, трудящихся, литературной общности республики.

Совещание не замкнулось в чисто литературных рамках, сказал И. Брагинский. Оно отличалось высоким политическим звучанием. Дух интернационализма господствовал на совещании. Им пронизаны были все речи, им пронизан был доклад «Великая Октябрьская социалистическая революция и основные тен-

денции ее изображения в литературе народов Средней Азии и Казахстана».

Этот доклад был подготовлен коллективом авторов, что Г. Марков определил как ценное начинание.

А. Чиковский, Ю. Верченко, В. Кожевников и другие говорили о практике проведения подобных писательских поездок по стране, о том, что смысл поездки неизмеримо возрастает, если они получают отклик в прессе. Сложилось убеждение, что «освещение» разного рода литературные встречи должны только корреспонденты, а

это неверно. Хорошо, чтобы писатель, вернувшись из командировки, поделился своими впечатлениями, выступил со статьей, очерком, размышлениями об увиденном.

Н. Федоренко отметил, что симпозиумы, совещания, «круглые столы», которые устраиваются советскими писателями, представляют интерес для наших зарубежных друзей. Хотелось бы, чтобы писатели, возвратившись домой, отчитывались перед советской аудиторией и о заграничной поездке.

СВЕТ ДРУЖБЫ И ТВОРЧЕСТВА

ОКОНЧАНИЕ, НАЧАЛО
НА 1-й СТР.

утверждал их всей суммой своего духовного деяния, наша литература всегда находилась и находится на самом переднем крае идеологической борьбы.

Для любого советского художника раз и навсегда решен известный, заданный Мансином Горьким вопрос: «С кем вы, мастера культуры?» Нашим мастера культуры — с родной партией, с великим советским народом и его волевыми дружинами.

Роль советской литературы в художественном исследовании актуальных тем и проблем современности чрезвычайно значительна: советские писатели своим вдохновенным и неутомимым трудом создают литературу, о которой мечтал В. И. Ленин.

«Литература, оплодотворяющая последние слово революционной мысли человека опытом и живой работой социалистического пролетариата...»

Продолжается, растет и ширится великое ленинское дело. Сегодня оно продолжается в усиливающейся классовой борьбе между трудом и капиталом, в укреплении международного и рабочего движения, в борьбе народов за свою независимость, за мир и разрядку напряженности, в росте международного авторитета, авторитета и оборонной мощи, политической сплоченности стран социализма, в успехах советского народа по выполнению планов девяти пятилетки, претворению в жизнь исторических предначертаний XXIV съезда КПСС.

Результативность нашего поступательного движения вперед обусловлена мудрой внешней и внутренней политикой Коммунистической партии, ЦК КПСС и его Политбюро, плодотворной и целеустремленной деятельностью Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Правильная политика партии, поддержка этой политики народом, самоотверженный труд советских людей, — говорил товарищ Л. И. Брежнев в своей речи на торжественном заседании в Ала-Ате, посвященном 20-летию освоения целины, — открывают новые возможности для героических свершений, которыми так богата история нашей Родины.

Для советской литературы в Казахстане — большое политическое событие, подкрепляющее глубокий демократический характер нашей литературы, ее организационный интернационализм и прочность связи с жизнью народа. Торжественная встреча в дискуссии, которые пройдут в эти дни с участием самых широких читательских масс, является новым стимулом усиления трудовой и общественной активности трудящихся нашей республики.

Коммунисты, все трудящиеся каждой из 19 областей трижды орденоносного Казахстана, как и все советские люди, напряженно трудятся над выполнением и перевыполнением заданий четвертого, определяющего года пятилетки. Уверенная поступь многоотраслевой казахстанской промышленности. По всей республике раскинулись леса неосторожных. Героические труженики сельского хозяйства полны решимости закрепить достигнутые ими успехи. Среди самых актуальных — задача, поставленная перед казахстанцами Леонидом Ильичем Брежневым: довести в ближайшие годы поголовье овец в республике как минимум до пятидесяти миллионов... Сложные и ответственные дела предстоит решить труженикам всех отраслей экономики, народного образования, культуры, здравоохранения, сферы обслуживания.

В крепнувшем союзе науки, передового опыта и практики заметных успехов добиваются ученые республики, вносящие весомый вклад в развитие ее производительных сил, в осуществление намеченных партийных планов.

Нынешний Казахстан — не только мощная индустриальная и энергетическая база страны, но только ее хлебная житница и крупнейший производитель жилищно-коммунальной продукции. Наша республика — это еще и край богатой самобытной культуры, обогащающейся в благотворном процессе социалистической интернационализации всей нашей жизни.

Многочисленная литература Советского Казахстана, творчески воссоздавая революционную историю и живую современность во всем ее многообразии, существенных чертах и конкретно-историческом содержании, растет и крепнет прежде всего благодаря активному творческому взаимодействию с литературой великого русского народа и других народов СССР.

Мы по праву гордимся тем, что культура возрожденного Великого Октября казахского народа, как и других братских народов, стала органической, неотъемлемой частью общесоветской социалистической культуры, что она активно стремится вобрать в себя наиболее ценные черты и традиции культуры каждого из народов нашей необъятной Родины.

Примечательно, что этот знаменательный процесс инновационным образом не вытесняет национального своеобразия, всемерно способствуя рождению принципиально нового качества и всестороннему обогащению национальной культуры социалистическим интернациональным содержанием.

Глубоко символический тот факт, что Дни советской литературы в Казахстане начинаются сразу же после Пушкинских дней. Имя Пушкина, его неповторимый гений одинаково дороги для всех народов. Отмечая огромную роль русской культуры в развитии общественной мысли в России и роль Пушкина в этом процессе, Мухтар Ауэзов, в частности, писал: «Он

трудился над выполнением и перевыполнением заданий четвертого, определяющего года пятилетки. Уверенная поступь многоотраслевой казахстанской промышленности. По всей республике раскинулись леса неосторожных. Героические труженики сельского хозяйства полны решимости закрепить достигнутые ими успехи. Среди самых актуальных — задача, поставленная перед казахстанцами Леонидом Ильичем Брежневым: довести в ближайшие годы поголовье овец в республике как минимум до пятидесяти миллионов... Сложные и ответственные дела предстоит решить труженикам всех отраслей экономики, народного образования, культуры, здравоохранения, сферы обслуживания.

В крепнувшем союзе науки, передового опыта и практики заметных успехов добиваются ученые республики, вносящие весомый вклад в развитие ее производительных сил, в осуществление намеченных партийных планов.

Нынешний Казахстан — не только мощная индустриальная и энергетическая база страны, но только ее хлебная житница и крупнейший производитель жилищно-коммунальной продукции. Наша республика — это еще и край богатой самобытной культуры, обогащающейся в благотворном процессе социалистической интернационализации всей нашей жизни.

Мы по праву гордимся тем, что культура возрожденного Великого Октября казахского народа, как и других братских народов, стала органической, неотъемлемой частью общесоветской социалистической культуры, что она активно стремится вобрать в себя наиболее ценные черты и традиции культуры каждого из народов нашей необъятной Родины.

Примечательно, что этот знаменательный процесс инновационным образом не вытесняет национального своеобразия, всемерно способствуя рождению принципиально нового качества и всестороннему обогащению национальной культуры социалистическим интернациональным содержанием.

ПРЕМИИ КРИТИКАМ

Секретариат правления Союза писателей СССР и секретариат правления ЦК КПСС Казахстана постановили о присуждении совместных премий для лучшей литературно-критической работы, осязающей современный литературный процесс, опубликованные в периодической печати в 1973 году.

Премия присуждена Гурьяму АСАТЯНИ — за статью «Три вечера у Демьяна Шенгала» (журнал «Дружба народов») и «Большое ожидание» (журнал «Литературная Гурьяла»).

Удостоен премии Александр ДЫМШИЦ за статью «Революция призывает» (журнал «Наша жизнь») и «Владимир Маяковский и борьба с «Левым» (журнал «Знамя»), «Маркузе: личина и личина» (газета «Советская культура»), а также за рецензию на книгу: А. Чаковского «Блоада», В. Кожемякина «В подполье на солнечной стороне» и С. Дангулова «Кузнецкий мост».

Феликсу КУЗНЕЦОВУ премия присуждена за статью «Судьбы деревни в прозе и критике» (журнал «Наша жизнь»).

В связи с присуждением СП СССР и СМ СССР совместной премии председателю ЦК КПСС Казахстана в форме письма-благодарности от имени ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», мы стремимся выделить прежде всего те работы, в которых авторам удается сочетать идейно-художественный анализ с актуальными проблемами, выдвигаемыми жизнью перед многосторонней советской литературой. Рассмотрев творения удивительно хороших критиков, мы считаем справедливым отметить прежде всего те работы, в которых авторам удается сочетать идейно-художественный анализ с актуальными проблемами, выдвигаемыми жизнью перед многосторонней советской литературой.

Из ряда представленных в комиссию критических работ мы выделили трех авторов. Три лауреата... У каждого

из них свое лицо. Статьи Гурьяма Асатяни привлекают широтой взгляда на произведения грузинской литературы. Автор рассматривает их не замкнуто, а в связи и в сопоставлении с соответствующими явлениями многонациональной советской и мировой литературы. У Асатяни есть особое изящество в аргументации и изложении своих мыслей. Труды Александра Дымшица отмечены энциклопедичностью знаний, глубоким пониманием своеобразия искусства и вызовом желание следовать его примеру критика-марксиста. В критическом анализе Феликса Кузнецова сочетается хорошая историко-литературная эрудиция с публицистической остротой.

Принято отметить любовь и художественную литературу и руководителю журнала «Советский воин» — «Советский воин» — наш коллективный лауреат. Редакция буквально уделяет большое место литературно-критическим материалам, привлекая своим читателям, в первую очередь военную Советскую Армию, интерес и идейно-эстетическую выразительность и творчеству наших художников слова.

В работах, отмеченных премиями, критики на богатом материале многонациональной советской литературы анализируют социальные и нравственные процессы жизни, отстаивают принципы партийности и народности в литературе, ведут острую полемику с буржуазной идеологией.

Возле премии Александр ДЫМШИЦ за статью «Революция призывает» (журнал «Наша жизнь») и «Владимир Маяковский и борьба с «Левым» (журнал «Знамя»), «Маркузе: личина и личина» (газета «Советская культура»), а также за рецензию на книгу: А. Чаковского «Блоада», В. Кожемякина «В подполье на солнечной стороне» и С. Дангулова «Кузнецкий мост».

Феликсу КУЗНЕЦОВУ премия присуждена за статью «Судьбы деревни в прозе и критике» (журнал «Наша жизнь»).

Из ряда представленных в комиссию критических работ мы выделили трех авторов. Три лауреата... У каждого

Восхищение тем, что в нашей литературе, в частности в поэзии, так много внимания уделяется теме войны и мира, что в произведениях наших писателей так глубоко и художественно раскрыты проблемы человеческого бытия, что в их творчестве так отчетливо выразился гуманизм, что в их произведениях так ярко и убедительно звучит призыв к миру и дружбе между народами.

Восхищение тем, что в нашей литературе, в частности в поэзии, так много внимания уделяется теме войны и мира, что в произведениях наших писателей так глубоко и художественно раскрыты проблемы человеческого бытия, что в их творчестве так отчетливо выразился гуманизм, что в их произведениях так ярко и убедительно звучит призыв к миру и дружбе между народами.

Восхищение тем, что в нашей литературе, в частности в поэзии, так много внимания уделяется теме войны и мира, что в произведениях наших писателей так глубоко и художественно раскрыты проблемы человеческого бытия, что в их творчестве так отчетливо выразился гуманизм, что в их произведениях так ярко и убедительно звучит призыв к миру и дружбе между народами.

Восхищение тем, что в нашей литературе, в частности в поэзии, так много внимания уделяется теме войны и мира, что в произведениях наших писателей так глубоко и художественно раскрыты проблемы человеческого бытия, что в их творчестве так отчетливо выразился гуманизм, что в их произведениях так ярко и убедительно звучит призыв к миру и дружбе между народами.

Восхищение тем, что в нашей литературе, в частности в поэзии, так много внимания уделяется теме войны и мира, что в произведениях наших писателей так глубоко и художественно раскрыты проблемы человеческого бытия, что в их творчестве так отчетливо выразился гуманизм, что в их произведениях так ярко и убедительно звучит призыв к миру и дружбе между народами.

Восхищение тем, что в нашей литературе, в частности в поэзии, так много внимания уделяется теме войны и мира, что в произведениях наших писателей так глубоко и художественно раскрыты проблемы человеческого бытия, что в их творчестве так отчетливо выразился гуманизм, что в их произведениях так ярко и убедительно звучит призыв к миру и дружбе между народами.

Восхищение тем, что в нашей литературе, в частности в поэзии, так много внимания уделяется теме войны и мира, что в произведениях наших писателей так глубоко и художественно раскрыты проблемы человеческого бытия, что в их творчестве так отчетливо выразился гуманизм, что в их произведениях так ярко и убедительно звучит призыв к миру и дружбе между народами.

Восхищение тем, что в нашей литературе, в частности в поэзии, так много внимания уделяется теме войны и мира, что в произведениях наших писателей так глубоко и художественно раскрыты проблемы человеческого бытия, что в их творчестве так отчетливо выразился гуманизм, что в их произведениях так ярко и убедительно звучит призыв к миру и дружбе между народами.

Восхищение тем, что в нашей литературе, в частности в поэзии, так много внимания уделяется теме войны и мира, что в произведениях наших писателей так глубоко и художественно раскрыты проблемы человеческого бытия, что в их творчестве так отчетливо выразился гуманизм, что в их произведениях так ярко и убедительно звучит призыв к миру и дружбе между народами.

Восхищение тем, что в нашей литературе, в частности в поэзии, так много внимания уделяется теме войны и мира, что в произведениях наших писателей так глубоко и художественно раскрыты проблемы человеческого бытия, что в их творчестве так отчетливо выразился гуманизм, что в их произведениях так ярко и убедительно звучит призыв к миру и дружбе между народами.

Восхищение тем, что в нашей литературе, в частности в поэзии, так много внимания уделяется теме войны и мира, что в произведениях наших писателей так глубоко и художественно раскрыты проблемы человеческого бытия, что в их творчестве так отчетливо выразился гуманизм, что в их произведениях так ярко и убедительно звучит призыв к миру и дружбе между народами.

Восхищение тем, что в нашей литературе, в частности в поэзии, так много внимания уделяется теме войны и мира, что в произведениях наших писателей так глубоко и художественно раскрыты проблемы человеческого бытия, что в их творчестве так отчетливо выразился гуманизм, что в их произведениях так ярко и убедительно звучит призыв к миру и дружбе между народами.

Восхищение тем, что в нашей литературе, в частности в поэзии, так много внимания уделяется теме войны и мира, что в произведениях наших писателей так глубоко и художественно раскрыты проблемы человеческого бытия, что в их творчестве так отчетливо выразился гуманизм, что в их произведениях так ярко и убедительно звучит призыв к миру и дружбе между народами.

Восхищение тем, что в нашей литературе, в частности в поэзии, так много внимания уделяется теме войны и мира, что в произведениях наших писателей так глубоко и художественно раскрыты проблемы человеческого бытия, что в их творчестве так отчетливо выразился гуманизм, что в их произведениях так ярко и убедительно звучит призыв к миру и дружбе между народами.

Восхищение тем, что в нашей литературе, в частности в поэзии, так много внимания уделяется теме войны и мира, что в произведениях наших писателей так глубоко и художественно раскрыты проблемы человеческого бытия, что в их творчестве так отчетливо выразился гуманизм, что в их произведениях так ярко и убедительно звучит призыв к миру и дружбе между народами.

...СПУСТЯ СОРОК ЛЕТ

ОКОНЧАНИЕ, НАЧАЛО
НА 1-й СТР.

А. Кожухов выступил с предложением, чтобы во время выездов писательских бригад более тщательно продумывались и лучше организовывались встречи организаторов с героями труда, людьми примечательных биографий, интереснейших судеб. Тогда писатель не только увидит мясника, прекрасную технику, он увидит самое главное — человека, творящего эти чудеса, увидит и напишет о нем.

Итак, обсуждение итогов совещания в Ашхабаде перешло в разговор о содержании, характере и задачах литературных конференций, совещаний, встреч. За последние годы, сказал В. Озеров, сложились новые формы общественно-литературной жизни. В республиках собираются мастера слова и на материале литератур народов нашей страны рассматривают общие проблемы, выявляют закономерности развития литературного процесса, анализируют те или иные тенденции. Только что закончилась в Молдавии на тему «Художественные искания современной советской многонациональной литературы». Примечательно, что вместе с писателями в обсуждении проблем участвовали ученые. Материал таких совещаний нельзя оставлять втуне. Его непременно должны использовать на своих страницах журналы. Этот же вопрос затронул С. Баруздин, А. Саввинский, Е. Шелестов. Выступившие на заседании с конкретными предложениями. В общем мнения о проведе-

нии в республиках литературных вечеров, дискуссий, совещаний и их пропаганде приняли участие также Ш. Нилза, В. Тельгузов. Следующий вопрос, который обсуждался на заседании секретариата, — итоги VII Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии, совпавшего в нынешнем году со 175-летием со дня рождения поэта.

М. Горбачев сообщил, что в празднике участвовали свыше 100 советских и 39 зарубежных писателей из 30 стран мира. Думаю, что такие праздники, заметил В. Павлов, прививают любовь не только к творчеству Пушкина, но и вообще к литературе.

Пушкинские праздники поэзии, проводимый в восьмой раз, утвердился в народном сознании, стал постоянным. Нам надо подумать над тем, сказал А. Заключенко Г. Марков, чтобы разнообразить его формы, чтобы праздники имели целевое направление. К примеру, «Пушкин и искусство» или «Пушкин в многонациональном сотрудничестве наших народов» и т. д. Характер праздника каждого года должен быть новым.

На этом же заседании Г. Марков — первый секретарь правления СП СССР и В. Панников — председатель правления Всесоюзного агентства по авторским правам было подписано постановление секретариата правления СП СССР и правления ВААП «О формах совместной деятельности в связи с присоединением СССР к Всемирной конвенции об авторском праве 1952 г.»

Димитр Методиев — переводчик «Кобзаря»

Двадцать пять лет назад молодой болгарский поэт Димитр Методиев впервые прочитал «Кобзаря» на русском языке. Чуть позже ему, студенту Литературного института имени А. М. Горького, читал пламенные шевченковские стихи украинский поэт Платон Воронков. В этот момент в его сознании зародился замысел перевода «Кобзаря» на болгарский язык украинским литературным переводчиком Марианой Рыльскою.

Имя болгарского поэта Димитр Методиев известно любителям поэзии в нашей стране по его поэтическим сборникам, выходящим в Москве на русском языке. На Украине издательство «Дніпро» несколько лет назад выпустило сборник стихов и прозы Д. Методиева «Красный маяк» в переводе А. Белого и П. Воронкова. Сейчас Д. Методиев для озна-

комления болгарского читателя с лучшими образцами русской и украинской поэзии... На днях в Киеве, в конференции Союза писателей Украины, поэт-академик Николай Вайман в торжественной обстановке вручил Димитру Методиеву «Пять лет» — знаменитый литературный перевод имени Марианной Рыльской.

Нового лауреата тепло приветствовали первый секретарь правления СПУ В. Козуцкий, секретарь правления СП СССР С. Сербану, первый заместитель председателя Госкомитета УССР Д. Цюганов.

На церемонии вручения премии присутствовал генеральный консул ИРВ в Киеве Кривоуст Ефимов.

К. ТРИГОРЬЕВ, наш соб. корр.

дешевлюет выплывать сравнительно невысокий налог с гонорара за использование произведений в СССР — здесь максимальный уровень налога 13 процентов.

Более высокий налог взимается только с сумм, возникающих из-за рубли, но и с сумм, полученных внутри страны. Наша же внутренняя налоговая шкала, как известно, невелика. Советские авторы выплывали и сейчас

дет удержано 55,5 процента. Следует заметить, что такая ставка налога мало чем отличается от размеров налогов, действующих во многих других странах. Причем подобный налог там взимается не только с сумм, возникающих из-за рубли, но и с сумм, полученных внутри страны. Наша же внутренняя налоговая шкала, как известно, невелика. Советские авторы выплывали и сейчас

продолжают выплывать сравнительно невысокий налог с гонорара за использование произведений в СССР — здесь максимальный уровень налога 13 процентов.

Более высокий налог взимается только с сумм, возникающих из-за рубли, но и с сумм, полученных внутри страны. Наша же внутренняя налоговая шкала, как известно, невелика. Советские авторы выплывали и сейчас

ПРАВА АВТОРА, ПРАВА ИЗДАТЕЛЯ

Интервью «Л»

Раньше в самом использовании за рубежом созданных в нашей стране произведений был элемент случайности. А сейчас забота об их защите взяло на себя государство, располагающее широкими возможностями. Специализированный отдел информации и рекламы будет систематически сообщать зарубежным издателям, всем интересным, значительным новым работам советских писателей, композиторов, художников, деятелей театра и кино, ученых.

Такой источник информации позволит зарубежным фирмам, мы надеемся, шире использовать произведения советских авторов. Специализированный отдел информации и рекламы будет систематически сообщать зарубежным издателям, всем интересным, значительным новым работам советских писателей, композиторов, художников, деятелей театра и кино, ученых.

В апреле ВААП примет в СМЗАН — крупнейшую неправительственную организацию, объединяющую более 40 авторско-правовых организаций 45 стран мира. Участие агентства в работе СМЗАН, безусловно, будет способствовать достижению нашей главной цели — расширению международного сотрудничества.

Подписанные соглашения о взаимном представлении интересов с авторско-правовыми организациями ряда капиталистических стран. В частности, с одним из старейших в мире обществ — САСЕМ, объединяющим авторов, композиторов и музыкальных издателей Франции, с Вельфринским обществом авторов, композиторов и издателей — САБАН.

Договор, заключенный ВААП с Японско-советским центром авторского права и Японско-советским музыкальным центром (дочерняя фирма «Японского моря»), предусматривает условия публикации произведений советской литературы, науки, искусства.

Установлены контакты с авторско-правовыми организациями Филлиппин и Швеции, а также с издательскими кругами этих стран. Подписан меморандум с Финским союзом издателей, регулирующий наши отношения.

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

НАША ГАЛЕРЕЯ

Участники Дней советской литературы в Камичерадской области Людмила Татыанчикова и Виталий Короткий на литературном собрании

СЕКРЕТЫ писательского мастерства разнообразны — одни «выстраивают сюжеты сюжетных произведений, не выходя из кабинета, другие же, наоборот, добывают материал в путешествиях или, как образно сказал Ленинградский прозаик Глеб Горюшин, «размывают сюжет нотами». Собаки, вестни, причисляет к последней категории...

поблуждать в открытом море, переждать шторм. Вы же человек, к крутой волне не привычный... Спустился капитан все теми же смирительными, взял Горюшина на борт. Почти подняла «Елец» шел вдоль берега, прикрытый солжками и скалами, потом выбрался в открытый пролив. И сразу же угодил в шторм. Долго, очень долго длилось это изматывающее путешествие. Наконец, уже в сумерках, показалась темная скалистая гряда — остров

лишь золотистые каланы — морские бобры, в непуганые пещеры — дымято-голубые звериные лодки из самых ног. Стрило полыхать чуть выше, на скалины, как глина резбалась от ударами архит осекиных цветов и необычайно обилия белых грибов... В боксире появились записки, фиксирующие детали. Наконец в один из дней, когда Горюшин уже вконец отчаялся и собрался зимовать на острове, показался сейнер. Со стороны океана на берег шел сильный волновой накат, поэтому первая шлюпочка-мотола, прежде чем причалить, совершила ряд головоломных кульбитов.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ ИТОГИ КОНКУРСОВ НА ЛУЧШУЮ ПЬЕСУ

Министерство культуры СССР провело конкурс на лучшую пьесу о рабочем классе. На конкурс поступило 127 пьес. Победителем признана пьеса «Елец» В. Воронкова. Премия имени М. Горького присуждена В. Воронкову с присвоением звания лауреата конкурса.

На Командорах Глеб Горюшин был на раз — настолько привлекся к Дальнему Востоку, к его необычным и суровым местам. «Стояла поздняя осень, онеми поволодал, на побережье разбейничали знаменитые дальневосточные астры, и я остров Медюну, куда держал путь Горюшин, пробираясь было не так-то просто. Когда по поводу судьбы этого острова шли споры. Давно в том, что на Медюно жили алуэты — некогда семейные работники оленей в зверосовхозе, поздней осенью к ним приходил сейнер, забрасывая продовольствие и уходя обратно; алуэты же всю долгую холодную зиму продавали на острове... Один — наиболее энергичные — спорщики считали, что остров надо «выкрасить», алуэты переселить на большую землю, другие — приверженцы экономической статьи доклада — отстаивали мнение, что остров, мол, должен быть «прикрыт», алуэты — оставаться на месте. Жизнь выбрала первое.

ВСТРЕЧИ В ТУТИ ПОСЛЕДНИЙ СЕЙНЕР

Медный. С сейнера спустили шлюпку, высадили Горюшина на берег, сам же корабль ушел штормовым в море. Несколько дней он болтался где-то в больших океанских водах, и зимовщики даже варить перестали, что сейнер пошел вновь, — шторм все не стихал и не стихал. Горюшин пошел в здание совхоза, и первый гость, который появился у него, был алуэты-танка — Глеб Александрович Зайко. Пили черной-пречерный чай, вели разговоры.

На пирсе матрос Володя, веселый здоровяк, обратился к Воронку с речью, из которой следовало, что мотола Воронка не осилит и коно придется добираться до «Ельца» собственными «плавающим» средствами и в противном случае он останется на острове, где без людей ему придется туго... На кон надежды сграбочую петлю, и Воронку поплыл к сейнеру. Когда стали поднимать на борт, петля соскочила с морского крана, и Воронку упал в океан. Пришлось начинать все сначала. Вскоре конь благополучно «смайлился» в трюм, и сейнер отправился в обратный путь. Горюшин и эту историю занес с собой в свой блокнот. Через несколько дней он вернулся в Ленинград.

Художественное отображение жизни рабочего класса — одна из ответственных задач нашей литературы. Сегодня мы являемся свидетелями творческих контактов писателей с производством. Не остался в стороне от этого магистрального направления советской литературы и драматургия. Укрепляются и развиваются связи театров с творческими коллективами. За последние два-три года литераторы все активнее работают над пьесами широкого общественного звучания.

И вот на Медный собрался свой последний рейс сейнер «Елец»; он должен был вывезти провант для остающихся на острове нескольких зимовщиков — партию котико-вых шкурки и «рабочий агрегат» зверосовхоза — коня Воронка.

Ранним утром, едва солнце выпололо из-за сопки, Горюшин пришел на пирс острова Беринга. «Елец» закивала погрузку, в ответ на просьбу взять с собой на пирс отрезанную кучку головы. — На пирс. Ожидается шторм, возможно, придется

в результате была написана пьеса «Водопад», сюжет которой писатель выводит не только на тех далеких камчатских берегах... В. ПОВОЛОВ ЛЕНИНГРАД

Цель конкурса — привлечь внимание как писателей, так и театров к созданию произведений, отражающих жизнь и трудовые подвиги строителей коммунистического общества. Жюри конкурса рассмотрело 33 произведения известных и начинающих авторов. В итоге обсуждений первая премия присуждена молодому драматургу М. Ибрагимбекову за пьесу «Мезозойская история», принятую к постановке Московским Малым театром.

Вот на Медный собрался свой последний рейс сейнер «Елец»; он должен был вывезти провант для остающихся на острове нескольких зимовщиков — партию котико-вых шкурки и «рабочий агрегат» зверосовхоза — коня Воронка.

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ... СОСТОЯЛСЯ... ПРОШЛИ... УЧРЕЖДЕНА...

ФОТОИНФОРМАЦИЯ... ГДЕ ЖИЛ НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ... ВИЛЬНОС... УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР... МОСКВА, КРЕМЛЬ, 10 июня 1974 г.

РЕДКИЙ СНИМОК... НА ДАЛЬНОМ ПОГРАНЬИ... СОСТОЯЛСЯ... ЗАВЕРШИЛСЯ... СОСТОЯЛСЯ...

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОП ГАЗЕТЫ»... Сердечно благодарю всех, кто поздравил меня с юбилеем правительственной награды — орденом Трудового Красного Знамени.

Красное Знамени, — сердечно спасибо! Буду и дальше стараться за добро платить добром, за заботу и внимание — достойной работой. Виктор АСТАФЬЕВ

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ... ПРОШЛА... СОСТОЯЛСЯ... ЗАВЕРШИЛСЯ... СОСТОЯЛСЯ...

Юрий ТРИФОНОВ: СОВРЕМЕННОСТЬ — СПЛАВ ИСТОРИИ И БУДУЩЕГО

Сейчас Юрий Трифонов работает над двумя повестями, посвященными истории и современности. Выходящая в издательстве «Молодая гвардия» повестка «Летопись» — первая из них. Во второй повести описаны люди нашей эпохи — жители Москвы, инженеры, ученые, студенты.

Корреспондент «ЛГ» обратил к писателю вопросы о его новых произведениях, об исторической теме в его творчестве.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Юрий Валентинович, что, на ваш взгляд, современный писатель должен искать в истории?

Ю. ТРИФОНОВ. Я думаю, что современный писатель, обращаясь к исторической теме, преследует те цели, что и вообще в литературе: он хочет заставить читателя размышлять, чувствовать, волноваться. Он обращается к духовной сфере читателя, современного человека, и одно это заставляет его не уйти далеко от всего того, чем современный человек живет. Все, в сущности, сводится к поиску нравственных ценностей. А их немало в нашей истории, особенно в истории русского революционного движения.

Раньше многих в главной роли «Капитанской дочке» наш великий поэт открыл сопряжение истории с современностью: он отозвался на то, что арловало людей первой трети XIX века.

С появлением «Войны и мира» в мировой литературе утвердился жанр, соединивший историю и достоверность исторической хроники с психологизмом и поэзией жизни, присущими роману.

Советской литературе с первых ее шагов свойствен большой интерес к истории, ибо первые книги советских писателей были, по существу, историческими, отражали величайшие события и перевороты нашей истории: революцию, гражданскую войну. И затем Чапыгин, Алексей Толстой, Тютчев, Ольга Форш. Создание таких полотен неизбежно связано с поиском нравственной точки опоры в прошлой эпохе.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Почему историко-революционная тема была так важна для писателей?

АНФАС И В ПРОФИЛЬ

Пауль КУУСБЕРГ

Григорий ХОДЖЕР

Дружеское слово Ю. Трифонова

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

М. Н. ПАРХОМОВУ — 60 лет

В связи с 60-летием юбиляра Комитет по культуре и искусству ЦК КПСС поздравляет Пархомова М. Н. с юбилеем. М. Н. Пархомов — писатель СССР, Совет по украинской литературе и Совет по драматургии театра, кино и телевидению. М. Н. Пархомов — участник Великой Отечественной войны, участник Великой Отечественной войны, участник Великой Отечественной войны.

на, которая встает несколько оснований в своем творчестве, сейчас занимается «Меморией» — историческим романом. «Мемория» — книга для меня совсем нежданная. К исторической теме готелью давно. Постепенно выработалась привычка к общению с документами, мемуарами, к занятиям в архивах. Конечно, «Отблеск костра» во многом помог в дальнейшей работе, подтолкнул к продолжению. Темы, хотя бы потому, что революционеры XX века неразрывно связаны со своим предшественниками.

«Отблеск костра» я стремился писать как можно ближе к фактам. Стремился к «протокольному» стилю. Может быть, в этом смысле несколько перегнул палку, о чем говорили мне некоторые доброжелательные читатели: малоавто поэзии, пластичности...

«Нетерпение» я тоже не хотел и не мог писать как традиционный роман, потому что тягаться с нашими великими корифеями, описавшими то же время, занятие бессмысленное. Однако страшно хотелось, как можно более полно, живо, то есть художественно, нарисовать фигуры удивительных людей, о которых я так много узнал. Хотелось найти в этой книге не только сплав романского начала, хроника, документа, своеобразной символики, но и «прорваться» в сегодняшний день.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Какую сторону вы видите в историческом повествовании, вы считаете наиболее сложной для писателя?

Ю. ТРИФОНОВ. Все сложно по-своему. Было, например, очень сложным выстроить историю, ибо определялась стилистика. Книгу я начал писать несколько раз. Первое начало было сугубо реалистическое, наподобие: «В ясный февральский день такого-то года...» Потом решил сразу переключиться на 1925 год и рассказать о суде над председателем Иванов Окладским в Колонном зале Дома союзов, хотел описать Москву так, как она была в то время. Хотелось написать историю, которая была бы не только историей, но и философией, поэзией, документальным, протокольным, он должен создать атмосферу достоверности, где правда и вымысел неразотримы, как молекулы кислорода и водорода в воздухе, который человек дышит, не задумываясь о том, сколько порций воздуха он того и другого.

Но если говорить более конкретно, вымысла, на мой взгляд, должно быть значительно меньше, чем фактической достоверности. Вымысел — редчайший дар. Тем ценнее его присутствие, тем выразительнее его сила. Впрочем, тут я могу ошибиться, ибо говорю на основе только своего опыта. В «Нетерпении» нет ни одной вымышленной фигуры и почти вовсе нет «нафантазированных» сцен. Но, может быть, это свидетельствует о робости автора, который из всех сил стремился лишь к правде, правды прежде всего.

Таких сцен, где автор злоупотреблял атмосферой достоверности, позволил себе заплести немного дальше за буйки, расставленные историком, всего несколько кратких роман Желябова с Аней Макаревич, посещение Клетчинниковым священного Соловья, разрыв Окладским провода под Александровским и свидание Желябова с Нецвелевым под окном Алексея каждого из этих моментов истории могут сказать не доказано, что было. На что автор ответил: не доказано, что не было!

Тут, вероятно, скрыт ключ к пониманию того, что есть вымысел в историческом романе: это то, что могло быть, и нигде не доказано, что этого не было. Что касается словаря и оборотов речи, то, разумеется, они должны — в прямой речи — строго соответствовать времени, а в авторской — зависеть от принятой стилистики. Можно стилизовать весь роман. Я же хотел написать современную книгу языком современного писателя и поэтому самое прозу строил так же, как прозу своих повестей и рассказов. Тут была не только эстетическая задача: хотелось показать сложность времени.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Как сочетаются ваши повести с современными героями и историческими?

Ю. ТРИФОНОВ. Есть внутренняя связь между романом «Нетерпение» и городскими повестями. В повестях хотелось показать сегодняшних людей с их сложными проблемами, мечтами, удачами, горестями. Иногда слышу, как критики и читатели называют эти повести «антиутопическими». Что же, протест против обывательщины, мещанской бездуховности — дело известное, но не новое

качество бескорыстия. Если бы не было такого названия, как «Нетерпение», я назвал бы книгу «Вескорыстие».

Я стремился к тому, чтобы в романе были куски лирической прозы и, если можно так выразиться, историко-лирической прозы, где бы присутствовал автор, как бы выражающий отношение современника к событиям. Все эти ракурсы должны были придать книге объемность.

Мне кажется, труднейшая задача исторического романиста — сочетать фактическую точность и вымысел. Про одного из героев «Нетерпение», блестящего храбреца Валеряна Осинского, любителя выдумки и мистификаций, его друзья говорили, что никогда не известно, где в его рассказах Wahrheit и где Dichtung, то есть где правда и где фантазия. И, однако, предполагая изрядную долю Dichtung, они верили каждому его слову! Такова была почти гипнотическая сила его внушения, которая, кстати, помогла творить немалые революционные подвиги.

Исторический романист в некотором роде убогословит Валеряна Осинскому: какими угодно средствами, поэтическими, «гипнотическими», документальными, протокольными, он должен создать атмосферу достоверности, где правда и вымысел неразотримы, как молекулы кислорода и водорода в воздухе, который человек дышит, не задумываясь о том, сколько порций воздуха он того и другого.

Сейчас я работаю над повестью, которая не имеет конкретного вымысла, на мой взгляд, должно быть значительно меньше, чем фактической достоверности. Вымысел — редчайший дар. Тем ценнее его присутствие, тем выразительнее его сила. Впрочем, тут я могу ошибиться, ибо говорю на основе только своего опыта. В «Нетерпении» нет ни одной вымышленной фигуры и почти вовсе нет «нафантазированных» сцен. Но, может быть, это свидетельствует о робости автора, который из всех сил стремился лишь к правде, правды прежде всего.

Таких сцен, где автор злоупотреблял атмосферой достоверности, позволил себе заплести немного дальше за буйки, расставленные историком, всего несколько кратких роман Желябова с Аней Макаревич, посещение Клетчинниковым священного Соловья, разрыв Окладским провода под Александровским и свидание Желябова с Нецвелевым под окном Алексея каждого из этих моментов истории могут сказать не доказано, что было. На что автор ответил: не доказано, что не было!

Тут, вероятно, скрыт ключ к пониманию того, что есть вымысел в историческом романе: это то, что могло быть, и нигде не доказано, что этого не было. Что касается словаря и оборотов речи, то, разумеется, они должны — в прямой речи — строго соответствовать времени, а в авторской — зависеть от принятой стилистики. Можно стилизовать весь роман. Я же хотел написать современную книгу языком современного писателя и поэтому самое прозу строил так же, как прозу своих повестей и рассказов. Тут была не только эстетическая задача: хотелось показать сложность времени.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Как сочетаются ваши повести с современными героями и историческими?

Ю. ТРИФОНОВ. Есть внутренняя связь между романом «Нетерпение» и городскими повестями. В повестях хотелось показать сегодняшних людей с их сложными проблемами, мечтами, удачами, горестями. Иногда слышу, как критики и читатели называют эти повести «антиутопическими». Что же, протест против обывательщины, мещанской бездуховности — дело известное, но не новое

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

БЕСЕДА ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ

АНКЕТА ПИСАТЕЛЯ И СЛОВО

Для нашей литературы. Но все же мне кажется, это слишком общее определение темы. В конце концов и роман «Нетерпение» можно назвать «антиутопическим» или героическим, ненавидя делу буржуазную жизнь, буржуазный стиль. Гибель самодержавия представлялась им делом предельным и скорым, в воле появления буржуазии, всемирного потребления, пожирания жизни, казалось, перешел в грозной опасности.

Следовательно, связь между той и другой темой не лежит в одной сфере: нравственной. Я пишу о людях города. Меня интересуют состояния души, сложности характера. Положительные герои боевой выступают против корыстолюбия, малодушия, нравственной фальши, откровенности, общественных издевок. Говоря о положительных героях, я имею в виду обыкновенных людей, которые по сути своей добры и совестливы, но часто благодаря разным обстоятельствам эти прекрасные качества не выставляются наружу. В литературе, как и в жизни, положительные герои маскируются под незрелых, обыкновенных людей.

Сейчас я работаю над повестью, которая не имеет конкретного вымысла, на мой взгляд, должно быть значительно меньше, чем фактической достоверности. Вымысел — редчайший дар. Тем ценнее его присутствие, тем выразительнее его сила. Впрочем, тут я могу ошибиться, ибо говорю на основе только своего опыта. В «Нетерпении» нет ни одной вымышленной фигуры и почти вовсе нет «нафантазированных» сцен. Но, может быть, это свидетельствует о робости автора, который из всех сил стремился лишь к правде, правды прежде всего.

Таких сцен, где автор злоупотреблял атмосферой достоверности, позволил себе заплести немного дальше за буйки, расставленные историком, всего несколько кратких роман Желябова с Аней Макаревич, посещение Клетчинниковым священного Соловья, разрыв Окладским провода под Александровским и свидание Желябова с Нецвелевым под окном Алексея каждого из этих моментов истории могут сказать не доказано, что было. На что автор ответил: не доказано, что не было!

Тут, вероятно, скрыт ключ к пониманию того, что есть вымысел в историческом романе: это то, что могло быть, и нигде не доказано, что этого не было. Что касается словаря и оборотов речи, то, разумеется, они должны — в прямой речи — строго соответствовать времени, а в авторской — зависеть от принятой стилистики. Можно стилизовать весь роман. Я же хотел написать современную книгу языком современного писателя и поэтому самое прозу строил так же, как прозу своих повестей и рассказов. Тут была не только эстетическая задача: хотелось показать сложность времени.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Как сочетаются ваши повести с современными героями и историческими?

Ю. ТРИФОНОВ. Есть внутренняя связь между романом «Нетерпение» и городскими повестями. В повестях хотелось показать сегодняшних людей с их сложными проблемами, мечтами, удачами, горестями. Иногда слышу, как критики и читатели называют эти повести «антиутопическими». Что же, протест против обывательщины, мещанской бездуховности — дело известное, но не новое

К О Г Д А мы писали, я писал втайне. Он захватил меня на фразе, кончавшейся так: «...когда мы, ленинградцы, переживали блокаду, вспоминаю о ее сокрушительном конце».

Покончив с почтовым операциями, я вернулся к моей фразе. И слово «сокрушительный» не понравилось мне. Чем? Первое. Смыслом: оно не говорило прямо — кто кого сокрушил? Это все знают! Да, но публицист не должен рассчитывать на «все знающих». Для них нечего писать.

Второе. Звучанием: оно было чрезмерно длинно, а «кошек блокады» был краток, как гроза. В слове этом было мягкое «л» в суффиксе, а блокада и была, и окончилась отнюдь не «мягко».

Я перебрал много близких по смыслу слов и остановился на достаточно «непохожем»: «...о ее громоподобном конце». Вот это слово меня удовлетворило.

Я рассказываю о характерном случае «работы над словом». А если утончить над языком — единственно орудием писательского производства. И единственно орудием писателя.

Н. В. Гоголь требовал, чтобы каждая строка художественного произведения перепроверялась 8 раз. Правда, он сам считал эту цифру «завышенной».

Свидетельство: начала (начала романов и рассказов, их крупных частей) в моей практике не отступать от гоголевской нормы. И хотел бы, да не могу. Вот эту анкету я переписываю уже пятый раз.

Не существует, как я отношусь к ним сам, в мой взгляд, элементы эти можно уподобить стремлению к совершенству. Вспомните, как это было в мажорде.

Пома-они, еще жень — перед Как только они мы получаем доброкачественный водород и кислород, ничем, однако, водород не похотит. Вода больше не.

Вольно желаем, разумеется, в воде. Уничтожить в воде, вполне возможно, вещество: водород и кислород, ничем, однако, водород не похотит. Вода больше не.

Второе. Звучанием: оно было чрезмерно длинно, а «кошек блокады» был краток, как гроза. В слове этом было мягкое «л» в суффиксе, а блокада и была, и окончилась отнюдь не «мягко».

Я перебрал много близких по смыслу слов и остановился на достаточно «непохожем»: «...о ее громоподобном конце». Вот это слово меня удовлетворило.

Я рассказываю о характерном случае «работы над словом». А если утончить над языком — единственно орудием писательского производства. И единственно орудием писателя.

Н. В. Гоголь требовал, чтобы каждая строка художественного произведения перепроверялась 8 раз. Правда, он сам считал эту цифру «завышенной».

Свидетельство: начала (начала романов и рассказов, их крупных частей) в моей практике не отступать от гоголевской нормы. И хотел бы, да не могу. Вот эту анкету я переписываю уже пятый раз.

как я отношусь к ним сам, в мой взгляд, элементы эти можно уподобить стремлению к совершенству. Вспомните, как это было в мажорде.

Пома-они, еще жень — перед Как только они мы получаем доброкачественный водород и кислород, ничем, однако, водород не похотит. Вода больше не.

Второе. Звучанием: оно было чрезмерно длинно, а «кошек блокады» был краток, как гроза. В слове этом было мягкое «л» в суффиксе, а блокада и была, и окончилась отнюдь не «мягко».

Я перебрал много близких по смыслу слов и остановился на достаточно «непохожем»: «...о ее громоподобном конце». Вот это слово меня удовлетворило.

Я рассказываю о характерном случае «работы над словом». А если утончить над языком — единственно орудием писательского производства. И единственно орудием писателя.

Н. В. Гоголь требовал, чтобы каждая строка художественного произведения перепроверялась 8 раз. Правда, он сам считал эту цифру «завышенной».

Свидетельство: начала (начала романов и рассказов, их крупных частей) в моей практике не отступать от гоголевской нормы. И хотел бы, да не могу. Вот эту анкету я переписываю уже пятый раз.

Свидетельство: начала (начала романов и рассказов, их крупных частей) в моей практике не отступать от гоголевской нормы. И хотел бы, да не могу. Вот эту анкету я переписываю уже пятый раз.

«Нетерпение» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман.

«Нетерпение» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман.

«Нетерпение» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман.

«Нетерпение» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман.

«Нетерпение» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман.

«Нетерпение» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман.

«Нетерпение» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман.

«Нетерпение» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман. «Мемория» — исторический роман.

ВЕЧНЫЙ ПОИСК КРИСТАЛЛА

Лев УСПЕНСКИЙ

Не вдаваясь в их оценку, мне кажется, что для нас следовало бы изобрести какой-то отдельный термин, чтобы не смешивать это особое искусство с литературой.

И если мы представим себе, что такое разделение произведено, то боюсь, область, занимаемая этим «особым искусством», окажется весьма значительной. «Пропуска» того или иного произведения в литературе во многом, на мой взгляд, определяется отношением к слову.

Вот, к примеру, пишет поэт такие слова: Жизнь волды злей И стоголосый Океанский — чем ее Унять?

Кого же — «ее»? Жизнь? Волды так, но смысл фразы как будто в том, что поэт хочет унять волны, волны жизни. И в этом случае не должно быть слышать «их». Не волды разнятся, а как говорится, «от ней все кастева».

той единственной форме, которая ему соответствует, в соотношении каждой «единицы» этой формы со всем огромным «кристаллом», во взаиморасположении строк, в их последовательности, в их «решетке» (вторично пользуясь термином кристаллографии). Нарушилась хоть какая-нибудь из этих соразмерностей, выходящих за пределы единства формы и содержания, звучания и значения, исчезло и все произведение. Является нечто совершенно на него не похожее. Нечто не относящееся к поэзии и литературе.

Замечу, что хитрая редакция приваляла к своему «Вопросу II» в виде дописка еще вопросик. Для ответа на него надо написать диссертацию, да притом не кандидатскую, а по меньшей мере докторскую: «О взаимоотношении авторской речи и речи персонажей». Чтобы сказать тут хоть что-либо путное, доказательно, надо мобилизовать большой материал и примеры, и высказывания писателей и теоретиков: в анкете это невозможно. Посему скажу лишь общие слова.

На мой взгляд, полноправным и самодержавным хозяином, ведающим самим «типом» таких «взаимоотношений», всюду и всегда является только сам писатель. Если оставить в стороне драматургию, в которой мощная речь персонажей и тончайший речек авторской речи (в репликах и пояснениях) почти никогда не сопереживают и не взаимодействуют, во всех других родах и жанрах «художественной литературы» можно наблюдать всевозможные градации этих взаимоотношений. От полного или почти полного подчинения автора персонажу (Лесков, Боченко — пример не занимать) — до барствено-осторож-

«Литературная газета» публикуется в этот день поздравлениям.

ФОТОАРХИВ «ЛГ»

Александр Твардовский на фронте. 1941 год.

Александр Сурков и Аркадий Кулешов. 1943 год. Северо-Западный фронт. Т. МЕЛЬНИНА

Леонид ТЕРЕХИН

Память

«Подвигам, доблести славы, чести, памяти» (Кадры из обелиска)

В глазах моих — Бородино: пригорки, перелески, чащи, как мир, оно разделено рекой Войною на две части. Вот так же, на войну и мир, свой трудный счет вады потерям, делили сразу целый мир 12-й и 41-й.

И сколько ни проходит лет, но лишь горячий ветер дует, а встает над Неманом рассвет — 24-е июня. Но тут же аэричную я другой июнь — 24-е: прижата огнем земля, железом взбитые дороги...

Кипело вновь Бородино, гудели снова батареи, и два сражения в одно сливались; как стога, горели, чернее, танки; земля рвал обвал горячего металла, и снова русское «ура!!!» над полем доблести взлетало.

И оживала та пора, когда ряды врагов рублили, и в это русское «ура!!!»

влетали голоса другие. И с русскими в одном ряду за счастье, за идею братства вставали, как в один ряд, сыны семьи единой братья.

Уже Россия не одна! Уже Россия многолика! Отчужденная война была уже войной Великой! В броню одет, ломился враг и летел назад в испуге — был занесен над ним кулак союза спящих республик!

И как сегодня важно в том, что временем отмечено, почувствовать всем существом дыхание Отечества! Я не забуду этих дней,

война мне в душу проникла, и гусеницами по ней она потом прогрохотала.

Но как 12-й тот год для пушкинского поколения не только годом был невзгод, но годом памятным рожденья, — так и для нас, ломающая сталь, беря к Победе направление, год 41-й годом стал гатаринского поколения!

Был пучком рейхстаг прошит, хранит история уроки; путем победы мы прошли, неся свободу всей Европе.

Дышать призывом нам дано, — в потюшках наших повстречались. В глазах моих — Бородино, заря знамен, героев лица... БОРОДИНО

В ТРИДЦАТЫЕ годы Москва была намного меньше, столицы семидесятых годов. То же самое можно сказать о Москве литературной — она была малочисленней и обидней. Молодые поэты легко находили друг друга внутри кольца «Б» и в студентских общежитиях за его пределами — Останкинское, Усаечкине, Стромынке. Помогали сближению издатели и редакции, при которых были организованы литературные кружки и объединения. Гослитиздат, «Огонек», «Октябрь» стали местами постоянных встреч поэтической молодежи. Твердого приращения, на моей памяти, не было, мы регулярно посещали гослитиздатское объединение, а когда заблагоурадуется, слушали и читали стихи в других кружках. Когда заблагоурадуется! Кроме духовной пищи, приходилось думать о материальной, попросту о еде. С большей или меньшей щедростью ее обеспечивали литературно-учебные организации. Москвичей в том числе, я занимал меньше, чем приезжих, — обеды и ужины нас ждали дома. Но провинциалом редакционные чаи были немалым водспорьем. И бутерброды «Комсомолки» или «Огонька» трезво включались в студенческий бюджет.

С Михаилом Кулешовым я познакомился скорее всего на одном из таких поэтических вечеров. Почему «скорее всего»? Да потому, что в памяти сохранилась уверенность в знакомстве. Без начала, а по крайней мере, без конца. Не помню, как встретились, не помню, как расстались. Вот с Павлом Ноганом или Георгием Суворовым момент первого знакомства отложился в памяти четко: до этой минуты не знал, а этой — нет. Ощущение постоянного присутствия. Оттого, наверно, и не поверю в его гибель. И заявил об этом в стихах настолько уверенно, что на меня даже начали сыпаться «я вот утверждаю...». Но об этом позже.

Восприимчивость Кулешовский как явление крупное и обещающее. Прежде всего — крупное: надежды подавали многие, но уверенность в их исполнении колебалась. Он же сомнений не вызывал. Писал порой плохо, чаще хорошо, иногда отлично, но сквозь все стихи проходила одна равнодействующая линия. Лишь серьезного таланта. Одарен он был стихийно, образность являлась его природным свойством, ощущение слова — врожденным.

Последнее для него было особенно важным. Он рос на стыке двух языков — украинского и русского.

Замечу, что в молодости мы учились не только у старших, а — в еще большей степени — друг у друга. И в своих «Польских стихах» так явным образом народов, подобно украинскому и русскому, соединяются в общем славянском русле, все время мысленно оглядываясь на Кулешово. Приведу, как параллель, хотя бы такие строки:

Перед онленинскими местами, Веселыми рачи завятой зван, Снова губы вялым устам И очами глаза зван.

Кулешов любил ссылаться на Хлебникова как на одного из своих учителей.

Однако наиболее заметным источником Михаила Кулешового была поэзия Маяковского.

Люди, близко знавшие Маяковского, говорили, что Михаил напоминает им поэта времен «Облака в штанах» и «Флейты-позвоночника». Ранние портреты «красного, двадцатидухлетнего», действительно, несут признаки сходства. Однако, без всяких сравнений, крупная выразительность и тяжеловатого взгляда, валак свободного промоздрости — вот что сразу озабочивало в Михаиле. Но сосредоточенность то и дело разбурчивалась в смехе, тяжеловатость сменялась насмешливостью, грозидность переходила в изощренность. Кулешовский был, что называется, видным человеком, и где бы он ни появлялся, на него обращались взгляды. Помогал тому и высокий рост.

Для талантливых людей многое значит хорошие образцы. Бесталанности они могут погубить вконец. Горю, конечно, о поэзии, расширительного значения придавая моему определению нельзя. Я знал многих подражателей Маяковского и Есенина — всегда это было грустное зрелище. Одни все время ходили на лыжнички, несмотря на природный диспанс, говорили басом, другие, даже вспоминая не хочется...

Образом для Кулешового был Маяковский. Внешним и внутренним, поэтическим и политическим. Впрочем, с оговорками в отношении к поэзии. Здесь являлись дополнения и поправки за счет других учителей — Хлебникова, Пастернака, Сельвинского. Меньше всего чувствовался Пастернак, разве что иногда в синтаксисе. Есенин тоже откладывался порой в строках, человек с образным мышлением да еще богатый эмоционально

пройти мимо него не мог. «Есенинские голубые стихи» вдаром, вспоминаются Кулешовским в стихах о России. Но Маяковский, повторяю, был постоянным образцом.

Маяковский воспринимался Кулешовым прежде всего как вост коммунизма. В то время вокруг Маяковского вскидывали споры, любовная лирика противоставлялась политическому, все время мысленно оглядываясь на Кулешово. Приведу, как параллель, хотя бы такие строки:

«Самое танюе», откуда и взяты слова для заголовка этой статьи: «Мое, советское до корней...»

Поэма удивительная по размаху, душевному простору, пространственному воображению. И удивляющая до сих пор точность главных поэтических формулировок. Соотношение патриотизма и интернационализма, диалектическое их единство — основная тема поэмы.

Трудно поверить, что еще накануне войны, двадцатилетний парень мог, глядя в далекие годы, со спокойной уверенностью сказать:

Только советская нация Будет и только советской расеи И только советской люди.

Ощущение советского народа как новой исторической общности людей выразилось в нашей стране на протяжении всей ее послевоенной истории. И строки Михаила Кулешового — одно из сильных тому свидетельств и подтверждений.

Здесь, чтобы резко начертить главную линию поэмы, я поневоле опираюсь на ее основные формулировки. В самой же поэме поэтическое разрешение темы дается в соединении разнообразных слов, во взаимопереходе лирических объяснений, услышанных и угаданных на разных концах земли. «Вокругшарный ветер» веет над Родиныю октябрьской и интернациональной идеей становится настолько полным, насколько оно было полным в речах 1941 года.

Предвоенная молодость романтизировала действительность, прошлое и будущее, самое себя. Но тут же отталкивалась от романтики, страшилась прослыть романтичной, подменывалась над выспренностью и хошудностью. Быстрым поветрием прошел над ней Э. Багрицкий, произошло резкое отталкивание от него. В значительной степени

несправедливо: покойник поэт был, конечно, неповинен в розово-голубой интерпретации своей поэзии. А именно такую окраску придавали ей восторженные отзывы тридцатых годов.

Кулешовский романтику брал по большому счету, взглянув на нее просторным взглядом. «А я — романтик. Мой стих не зеркало — не телескоп». И дальше: «Я романтик — не роман, не манити, не так. Я романтик — разнопоследних атак!» Довольно точное самопрогнозирование. Телескопичность выбрала в себя укрупненность вос-

ближайший товарищ Коли Отрады, свидетель его гибели. Прозвела печальная и торжественная нота. Поколение протесло эти стихи, память о своих чудопервах «до океанской, последней черты». Не при жизни Отрады и Кулешовского, но при жизни Луконинской и мой.

Михаил Кулешовский был родом из Харькова, и в сравнении с ним мы чувствовали себя северянами. Но у него впрямь была совсем другая манера держать себя, чем у нас. Он был непосредственнее, веселее, остроумнее.

Смитаемо и митетно, Заучит она над на извато призрачной Москвой.

А и нду момм седым Арбатом, Тверью слова чужие наивпаде... По пареулам узким и горбатым Оплет старинным плещет снегопад.

Мальчишеские голоса действительно поднимались в зенит и впрямь оборвали на верхней ноте. Верно ли чувство «призрачности»? Для меня, как это ни горько — да, верно. Когда наугад я пробую вспомнить тот или иной предвоенный день, память все время сталкивает меня с милыми тенями.

Вот со Львом Ноганом (однофамилец Павла) мы поднимаемся от Охотного ряда вверх по улице Горького. «Зайдем к Всекем Багрицкому!» — «Я с ним не знаком». — «Большое дело! Поизакомимся». И мы стучимся в дверь дома по адресу МХАТ, нам открывает заспанный темноволосый паренек: «Умчался после репетиции, вздремнул, хорошо, что разбудили». Мы знаем, что репетиция шла в Арбузовской студии, о которой уже идет разговор по Москве. Всека начинает с жаром рассказывать о ней, крутлое лицо оживляется. Мы сами через несколько дней встретимся с молодым артистом. «Моя светлая родня повсюду пробует дороги», — пишу я в то время. Всесветность пока замыкается в молчье «Б», но не перестает для нас ощущаться именно всесветностью. По-тому начинаем читать стихи. Всесвоя страшно уютно. Но, не смущаясь, заявляет, что как раз так читал его отец. Назад ирония окрашивается в почтительность: «Сам Багрицкий!». Это еще до «оттакавания» от него. Стучится в дверь. После короткого разговора в передней наш юный хозяин появляется с шюелкой: «Юрий Карлыч зашел, принес молока, будто я маминский человек, что по-нечем есть». И поставив шюелку на пол, тянется за книжечкой шкафа, вытаскивает «Циннадию». На Олешу мы молчим и досадуем, что не высказались вместе с Всекой в переднюю, но прибегают к жюелке, глядя на автора «Зависти». Пьем легкое вино, за окном зимний вечер, медленно падает снег.

Ничего из них давно нет на земле. Призрачный вечер, призрачная Москва. И все-таки все во мне протестует против своего собственного определения! Безд этой призрачности наделили живых людей только годы. А их можно снять, как покрывало с

зеркала, я, раздвинув стеклянную поверхность, войти в зазеркальный мир. Войти, наскоро дожать горячие руки друзей, с полуслова продолжить превращений разговор. «Пойдем к Павлу Миша...» И Кулешовский не дает, что тот лежит под Новоросийском, и не снажет о себе, что трудно встать из привольской земли. Он просто откликнется: «Пойдем».

Путешествие в зазеркалье — не такова ли встреча с молодостью в моей памяти? Тоже печально, но печаль — словно вечернее облако, темное по средине, светлое по краям.

Возвращусь, однако, к повествованию. Видимость незанятости была только видимостью. Борис Слуцкий в своем предисловии к посмертному сборнику М. Кулешовского «Самое танюе» тысячу раз прав, говоря о трудолюбии своего давнего товарища, о его ежедневной четырнадцатичасовой работе. Непрестанный труд: перевернутые строки ложилась на перевернутые и покрывались свеженанисанными. И следствие жизненной необходимости — работа на сортировочной станции подсобником и грузчиком. Надо было зарабатывать, денег всегда не хватало. И — кихбы бы ни был литинститутский режим — нужно было учиться, готовиться и зачетам, сдавать экзамены. Выручала жесткая самодисциплина, без нее все бы распалось. И эта самодисциплина была в высшей степени свойственна Михаилу Кулешовскому.

Очень много читал, ходил по музеям, концертам, спектаклям. Занимался военноразрянным спортом — «пригодится в будущем!». Спорили на вечерах и вечеринках, на литературных, семинарах, собраниях.

Если выделить в этой кажущейся пестроте одну главную линию, она найдется без труда. Постоянным фоном нашей жизни была подготовка к войне. Война входила в наше сознание, как некая непрерывность. Год-два, но обязательно начнется. Пакт с Германией никоим в заблуждении не вводил. 22 июня, конечно, явилось неожиданностью, но приближение грозы ощущалось всеми. Многие ожидали ее осенью, после уборки урожая. Все повернулось иначе.

Подготовкой к войне многое, если не все, объяснялось в нашей психологии. Внешние выражения — стрельба в тире, прыжки с парашютом, воинизи-

рованные переходы — отступали перед внутренними приметями. Они откладывались в поэтических строках, главными из которых были «Уже опять в границах сизым...».

По трагическому совпадению стихов того времени больше всего осталось именно от Павла Ногана, Николая Майорова, Михаила Кулешового, погибших после на фронтах. Многие строки Михаила затерялись.

Сколько бы мог написать Кулешовский! Последние сохранившиеся его строки были горько-строгими:

На до ордана, Выла бы Родина с ежедневными Бородино.

«Ежедневные Бородино» начались после его гибели. Над ним уже тогда стоял «смертор лейтенантов, первый мученик» где-то в привольских степях. Долго не верилось, что это так.

Я верно: невозможно случится, Я черну подниму еще за то, Что объявляла лейтенант Кулешовский...

Невозможное не случилось. И строки, написанные мной спустя год после смерти Кулешовского, остались свидетельством еще одной неоправдавшейся надежды.

А теперь о надеждах оправдавшихся. Михаил Кулешовский по своим заданкам яркой поэтической талантливости, соединенной с дьявольской работоспособностью, мог бы занять одно из первых мест в нашей поэзии. Этому помогли бы такие качества, которые встречаются в сочетании крайне редко: природное чувство слова и ритма, широкий мыслительный горизонт, живое ощущение современности. Но и то, что он успел сделать, весьма значительно. Среди поэтов своего поколения он наиболее четко и объемно воплотил в поэзии единство патриотической и интернационалистической идеи, характерное для предвоенной молодежи. Поэзия Кулешовского не стала самозамкнувшимся явлением, ее живыми соками питалась вся поэзия фронтového поколения.

А можно долго мечтать про немому, А надо думать только о ней. И неисконные падежи комы — смерти подобно — ведать немой!

Почему же все-таки «необходимо»? Никак не хочется с этим справиться...

Сергей НАРОВЧАТОВ «МОЕ, СОВЕТСКОЕ ДО КОРНЕЙ...»

приятня, шпурту окутает собитый, намеренную гиперболизацию чувства я действительности. «Разнаиспоследние атаки» виделась где-то на «речке Шпре», пророчески заблеставшей в стихах Павла Ногана. Молодые поэты тогда все время дополняли друг друга, ощущение собитый было общим, предвещения опирались на него. Кстати говоря, чувство общности поколения взвездилось во всех нас очень глубоко. Теперь уже можно сказать — навсегда. Михаил посветил стихи не вернувшимся с фляжской войны Н. Турочкин (Отрада). Они заканчиваются строками:

Война не только смерть, И черная цвет этих строк Не утандим ты, Сердце, как ритм ашюанное уперныи При жжани, мвлет, Свобод Судам, ИдиФормине Доддет до ашюанской, последней черты.

Я повторил эти строки в Лос-Анджелесе. Поэзия была Судая, где мне пришлось незадолго перед тем побывать. Вокруг расстилалась Калифорния, впереди — Тихий океан. Рядом стоял Михаил Луконин,

Со стороны мы, студенты Литературного института, выглядели, наверно, незаметными людьми. Посещенье лекций полусобольное, за пропуски никто не берет за замечаниями. Вечерами — чтение стихов либо на литературных вечерах, либо в общежитии, либо на квартирах. Стипендия и слушание получки, опять за чтение стихов, уполовиниваются в шумных заведении, прежде всего в известном баре номер четыре на Пушкинской площади. Долго спустя я вспомнил об этом времени в коротком стихотворении «Снегопад»:

Ах, как он плещет, Как снеглет старинный, Как блещет снег а сияние фонарнай Завыит метель Ириной Завыит лиандрей и февралей.

Ничего из них давно нет на земле. Призрачный вечер, призрачная Москва. И все-таки все во мне протестует против своего собственного определения! Безд этой призрачности наделили живых людей только годы. А их можно снять, как покрывало с

Туманбай МОЛДАГАЛИЕВ

Хлебный Казахстан

И в полдневных лучах, и в полуночном мраке Степь великая лажала в дремной тиши. Только у горизонта скакали сайгаки, Да слышали в пустыни дали миражи.

Лишь ввеса этот скочанный край очивалал! Пахли травяи, и слышали птицы восход, И иочувств соколу сил не хватало, И иочувств одолеть за один парелат.

И катились дорогими дравинии ветер, И за ветром печальные песни брели... Но очивалась однажды к ликующим свете Неоглядные шири казахской земли.

Для труда, для любви, для дерзаний открыты, Пробудились навеки от глубокого сна. Скольцо юних красавцев и юних джигитов Поднимали просторы твои, целина!

Нобсод был для солища палищего тесан. В склоных ты, целина, отразилась врачка! Сплывал здесь и поэзи, и признаний, и песни Прозвучало на братских твоих языках!

Ты сквозь судьбы прошла, точно нить золотая, Ты была к нам щадра, словно нажная мать. Горы балой пишеница — под стать Алау, Облакам наши белые курты под стать.

Наши улицы — будто бы белые крылья, Блалы и адалы проносилась синевой. Миллиард — это парвые наши усилыя, Миллиард — это новый порыв трудовой.

ИЗ КАЗАХСКОЙ ПОЭЗИИ

Кадыр МУРЗААИЕВ

Солнце, птицы и песни с высот небосвода Озирают бескрайние наши поля, Где не просто народам, а дружбе народов Покорилась богатая ныне земля.

Турсынхан АБДРАХМАНОВА

Я люблю это небо без края, Эту рыжую степь по весне, Этих почех пушистую струю, На звенящих ветвях в вышине.

Я люблю песнопенье рассвета И капризную сказку ручья, Этот клекот орла над планетой, Этот нежный призыв соливая.

Мне все краски, все звуки открыты, Мне дано услышать на ветру, Как горные крики джигитов Собирают табун поутру.

Я хочу, чтобы каждому счастью Открывалось везде и всегда, Чтоб любовь из нас был сопричастен Упоению любви и труда.

Чтобы ранний рассвет дуновением Вдохновенно касался лица, Чтобы я мирном кресте Озаренем Время наполнило наши сердца.

Я ищу красоту:

На планете со мною жиаут Люди-стали и люди-моря, Люди-горы.

Фариза УНГАРСЫНОВА

Я так тебя ревную... Равную, но не к тем призывным взглядам, Не к девушкам, что возникают рядом: Ведь все они желают мне добра!

Так за тебя боюсь... Боюсь, когда друзья — друзья по виду, Когда любовь из них тебе обиду Готовит: мол, предательство в чести. Я знаю их неистынные средства... Все это, как удар стрелы под сердце, Не так-то просто мне перенести.

Ты так похож на степи... Похож на мир, зовущий простором, И широтой души, и разговором, И думами бескрайности под стать. Огонь твой любви и страстности эта, Наверно, ваты от степного лета; Не зря я степи стала ревновать!

Ревную даже степи... Ревную к чувствстраницам, что нередко На край моих простых и гордых предков, На кровяи и пот их смотрят свысока. Таким не даст почувствовать простуда Ни воздуха вокруг — степного чуда, Ни аромата скромного цветка.

Так за тебя страдаю...

Страдаю, если кое-что порою Шушукается зло между собою И веселится, как навеселе... Нет, все же я не каюсь. Что за счастье Без ревности, без ярости, без страсти Жить на земле, как ползать по земле?!

Кайрат ЖУМАГАЛИЕВ

3 звезды

Раскрыла ночь два звездные крыла И над землей притихший вознесла. Когда-то в детстве я считал звоно Звезду, что в небе ярче всех была.

Подолгу авасы я мог смотреть тогда, Я вздрагивал невнятно: чья звезда, Разрежет небо на две половины, Вдруг падала неведомо куда?

А ночь, отчаясь, не ломала рук. Все тихо и торжественно вокруг. И лишь мое неопытное сердце Окватывалось жалостью и испуг.

Я вхожу своей памяти звучный, словно стон. Мою авадю удержит небосклон? Боюсь я, что и она сорвется, Как только мне глаза закроет сон.

Ах, детство, детство, золотые сны, Щедры вы, хоть невинны и смущены. Се звездами — я знал — стояли люди С душою, не мнимойею ценны.

Таким людям встречал не раз я сам. И верно, как в далеком детстве, ты, Что столько звездных восходить на небе, Так верно пламямь земным сердцам.

ПРОГРАММА МИРА — В ДЕЙСТВИИ!

Зарубежные отклики на речь Л. И. БРЕЖНЕВА на предвыборном собрании Бауманского избирательного округа г. Москвы

Ваша речь, Л. И. Брежнев, была встречена с огромным интересом. Мы считаем, что она является важным этапом в развитии советской внешней политики. Мы благодарим вас за ясность и конкретность ваших высказываний.

Карло ЛУКАНОВ,
член ИИ ВМР,
депутат Мосгордумы,
председатель
Бауманского избирательного округа

Ваша речь, Л. И. Брежнев, была встречена с огромным интересом. Мы считаем, что она является важным этапом в развитии советской внешней политики. Мы благодарим вас за ясность и конкретность ваших высказываний.

Гэс ХОЛЛ,
Генеральный секретарь
Коммунистической партии
США

Ваша речь, Л. И. Брежнев, была встречена с огромным интересом. Мы считаем, что она является важным этапом в развитии советской внешней политики. Мы благодарим вас за ясность и конкретность ваших высказываний.

Мирьям ВИРЕ-ТУОМИНЕН,
депутат финляндского парламента

Предвыборная речь товарища Брежнева оказалась в Европе с огромным интересом. Мы считаем, что она является важным этапом в развитии советской внешней политики. Мы благодарим вас за ясность и конкретность ваших высказываний.

Я думаю, что речь товарища Брежнева является очень важной. Из этой речи не только советские люди, но и весь мир узнал о чести и достоинстве советской политики. Мы благодарим вас за ясность и конкретность ваших высказываний.

Речь Л. И. Брежнева всегда с исключительной последовательностью и ясностью отражает миролюбивую политику Советского Союза. Его выступления наглядно показывают, как шаг за шагом претворяется в жизнь Программа мира, принятая на XXIV съезде КПСС.

СЕМЬ ДНЕЙ В ИЮНЕ

ОТ НАШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ПОРТУГАЛЬСКИЕ ОЧЕРТАНИЯ

Невозможно так быстро осмыслить все, что произошло и нависло над тобой. Каждый день интрижки громадной дозы — не внутримышечные и даже не внутривенные, а напряженные, в мозг и сердце — не растворенного временем концентрата ощущений и информации. И каждый день по утрам в 7.30 такой желанный и ненавистный телефонный звонок на редакцию. Служком короткой промехуток — журналист просто не в состоянии привести в необходимый порядок впечатления, чтобы интрижки помогали, а не мешали работать.

НА ШИМКАХ: сверху — демонстрация в Лиссабоне. На плакате надпись: «Солдариде и матросы на стороне народа в борьбе за мир и демократическую революцию»; внизу — «Временная Потемкинская» в португальском городе.

Письма читателей. Прекратить произвол! Советские люди требуют возвращения задержанного властями КНР вертолета и его экипажа. Мы считаем, что это является нарушением границ и интересов нашей страны. Мы благодарим вас за ясность и конкретность ваших высказываний.

Если верить сказке, истинные принцессы были способны почувствовать грохотную стужу добрую дюжину пушечных. При отсутствии других соответствующих свидетельств именно этим нахитрым способом доказывалось их высочайшее происхождение. Мы благодарим вас за ясность и конкретность ваших высказываний.

Ваша речь, Л. И. Брежнев, была встречена с огромным интересом. Мы считаем, что она является важным этапом в развитии советской внешней политики. Мы благодарим вас за ясность и конкретность ваших высказываний.

Ваша речь, Л. И. Брежнев, была встречена с огромным интересом. Мы считаем, что она является важным этапом в развитии советской внешней политики. Мы благодарим вас за ясность и конкретность ваших высказываний.

РЕПОРТАЖ ИЗ США ВСТРЕЧА НА АЛЯСКЕ

Вы не можете взглянуть, какой на ордене порядковый номер? А я и так помню: 404. Лаври наградили в 1934 году за участие в спасении челюскинцев.

В то время, — вспоминает он, — и нам в Фарбенкс прибили троих русских: Слепнев, Лавровский и Ушаков. Они приехали в компанию «Пасифик Аляска Эйрлайн» два самолета для спасательных работ.

Лаврови, берет за свое свойственный тот вид, в котором и сейчас. Он старший, — говорит он, — под прозвищем «Красная».

Сейчас, — говорит Лаврови, — что и мне довелось участвовать в общих советско-американских условиях, связанных с освоением Арктики, а также в борьбе против общего врага — коммунизма.

Американские же «страбы» выискивают «жестокость» советской политики, исключая при этом помощь самой неумолимой фантазии, обильно снабженной недоброжелательством. Мы благодарим вас за ясность и конкретность ваших высказываний.

Конкурс «ЛГ» на лучший очерк

ДЕНЬ НОВОСЕЛЬЯ

И. ОСИПОВ

ВЫШКА бурового мастера Виктора Васильевича Китаева стоит посреди озера Самолот. Зимой по крепкому льду приехали из ближнего карьера песок, щебенку, утрамбовали островок, на котором вырыли вышку, появились вагончики для столовой, для радиостанции, для вахты буровиков. Отсюда открывается панорама озера. Если не забраться на мачту вышковой, где подвешены трубы, вынутые из скважины, можно разглядеть и бетонное шоссе, и множество других вышек на таких же искусственных островах. А еще дальше, у самого горизонта, виднеются серебристые глыбы громадных резервуаров для хранения нефти. Вера бригады Китаева, закончив бурение очередной скважины, добывала в самолотский поток четыре тонны.

— Сегодня у нас новоселье, — говорит Виктор Васильевич, поднимаясь со мной на мостик вышки. — Если не очень спешить, успеете посмотреть, как мы расквашиваем по Самолоту.

У Китаева сильно обветренное лицо, и потому, наверное, выглядит он чуть старше своих тридцати пяти лет, но стоит ему — как сейчас вот — улыбнуться, почувствовав себя обласканным, что этому жизнерадостному человеку еще лет в тридцать. Нависок роста, строгий, в заправленных галстуком сапогах, он каким-то образом возникает почти

одновременно в разных местах. Только что был слышен его голос в вагончике радиостанции, где мастер горячо убеждал диспетчера прислать как можно быстрее тракторы — целый шестой (у меня же все готово! Ты меня слышишь! Все готово, а вышка стоит, как выключатель! Старая матушка! Поосторожничайте, не провалитесь!), а теперь он уже забрался по наклонному помосту к станине — проверить, все ли здесь в порядке, не упустил ли чего-нибудь буровицки Фёда Матрусовки, отключая вышку от магнетельных насосов. Еще минутой — и мотозатяжка шпала-кушника Китаева уже мелькает в противоположной стороне, озеро сераяшка, где гудит, пожимая солнышку, раскаленная печь и сильный вентилятор гонит отсюда струю горячего воздуха к буровому станину.

— Можете взять на заметку: первая вышка с отоплением, — советует Китаев. — Пригодится, когда будете писать о Самолоте. Где же ей и быть, теплой вышке, как не здесь, на томянских низких маршуртах! Полгода из вагона не вылезавший Зимой наступило здорово, приминает. Пятьдесят градусов, да еще с ветром...

Виктор Васильевич внезапно прервал разговор и поспешил в свой вагончик.

— Идут, наконец! Идут, миленькие! Вон выплывают. Видите! — Теперь и в разгладил несколько черных точек. Они

медленно двигались в нашу сторону.

— Через полчаса доплывут до нас, а могли бы и раньше пожаловать, — проворчал Китаев, ажно раздраженный тем обстоятельством, что тракторная колонна с опозданием прибывает для переезда буровой на новое место.

Но и не был в обиде на диспетчера и на трактористов: Китаев закончил инспекторский осмотр оборудования, удостоверился, что вышка подготовлена к переезду на новое место, и перестал циркулировать по своему островку. Можно было теперь узнать, что родом он из Воронежа, в двухлетнем возрасте эвакуировался с отцом в Кузбасс, где и стал последним нефтяником. В Кузбасском политехническом институте получил диплом инженера по бурению нефтяных скважин и попросил отправить его на Север, в Тюменскую область. Это было в 1965 году.

— Тогда уже заговорили о Тюмени. Вот где, мол, разведка для поискового бурения. Но известно было, что в тех краях ничего сейчас надеяться на какие-либо житейские удобства. Знали мы — а нас было пятеро выпускников, написавшихся в Тюмень, — что и на Конды, и на Обь с жильем очень туго. А работа нитераская... Дождался я ответа, и в феврале, а самую маленькую пору, прилетел на «Антонну» в Урай.

Китаев рассказывает, что увидел в этом поселке разведчиков, в мне вспоминает

в этом месте Китаев снова прервал беседу и вышел из вагончика. Озвученный ледяными шагами, он тот же, что и раньше, но в глазах — острое, острое, острое. Он ушел, не сказав «Прощай» — построившись в километр, словно военные корабли в дальнем походе, шесть тракторов шли в буровой. В посылках лучах утреннего солнца поблескивали стелы нефть.

Мы вернулись в прокуренный вагончик, и я узнал, что Виктор Васильевич не пошел в Самолот, а остался в Урае. Многие испытания на вышке Матюгина, где возникла вахта разведчиков на глыбах болотам и тамошние баржи по малководным лесным ручейкам.

— В те времена разведчики уже прощупали самолотский недр и ахнули: там не выдан даже здесь, на Тюменщине. Богатейшие мильные пласты, да еще с отличными коллекторами! Это значит, что нефть спрятана в хороших породах, песчаных и доistaa ее оттуда не очень трудно. Вот видите, как обстоят здесь дела...

Мастер Китаев быстро и умело набросал на листке, прикрепленном к вышке, карту нефтяного месторождения, четко обозначил границы продуктивных пластов, в додонские горизонты, и в этом чертеже ощущалась рука опытного инженера.

— Тем же фонитам мы еще нигде не получали... И вы, конечно, помните, как хотелось мне выехать на Самолот. Но только в сентябре первого года послышался мне сюда. Бурили куст — несколько наклонных направлений скважин с одной площадкой. Только так можно здесь работать, обходясь с каждой скважиной на озеро. И время тратим. Вот забурлили на тридцать шестом кусте. Все идет нормально. Прошли быстрые тысячу метров. Больше половины пути и нефть. И вдруг выскочил из скважины растер... Нат больше беды, чем газовой выброс. Это был пятнадцать метров. Малейшая заминка — и

КЛАЙПЕДА НА ЗАПАДНОМ СУДОРЕМОНТНОМ ЗАВОДЕ

Фото А. Хрупова

СОРЕВНОВАНИЕ НОВАТОРОВ И НОВАТОРСТВО В СОРЕВНОВАНИИ

Продолжаем публикацию ответов на анкету «ЛГ» (см. «ЛГ», № 24)

«ПРОЦЕНТ ОХВАТА»

В НАЧАЛЕ года подошел ко мне профессор участка и стал говорить, чтобы я выключился в соревнование и принял обязательство. Но прежде, вероятно, в порядке подготовки, он поинтересовался, как я отношусь к соревнованию. Будто бы оно мне новое. И тут только после этого дал заполнить бланк, отпечатанный типографским способом. И топтался возле, ожидая.

Заполнение бланка — операция несложная. Готовое начало: «Включаясь в социалистическое соревнование за звание ударника коммунистического труда, обязуюсь...» Так что и нужно-то всего — поставить свою фамилию и профессию.

Поставил.

— Ну, лишь, на сколько процентов обязуешься выполнять... Написал: 135.

— Маловато, — решил профессор.

Я не возражал, переправил цифру на 140, прикинув в уме, что и эти пять процентов осилю без особого напряжения.

Профессор был доволен. Он аккуратно положил бланк в папку и, пожимая руку, пошел к следующему.

А я стоял и думал, что такое вот бланки я заполнял и прежде. И все вроде бы меня ни к чему и не обязывали: план я и так всегда выполнял, ну, а если я не догнал до рубежа, взятого в обязательство, то все равно с меня никто за это не спросит.

При подведении итогов все крутится вокруг процентов выполнения плана. Остальные пункты обязательства, те, что начинаются с «и», чаще всего совсем не упоминаются. Да и что о них говорить? За двадцать два года работы я не прогуливал и не опаздывал, брака в работе я тоже не допускаю. Но вот выписываю в обязательстве и это. Почему? А чтобы последний выглядело. И чтобы не подводить весь коллектив, не снижать «процента охвата» соревнования: если он низкий, то непременно будут «осуждены». А так все хорошо. Заполнил бланк — живи спокойно целый год... Чем больше я вдумывался, тем неприятнее становилось мне от этих мыслей. Что за формализм в большом и важном деле!

Генеральный секретарь ЦК нашей партии тов. Л. И. Брежнев подчеркивал, что проводит соревнование надо публично, гласно, чтобы люди знали не только о тех, кто работает с полной отдачей, но и о тех, кто работает с прехладцей, без напряжения. Казалось бы, давно уж пора перестроиться повсюду! А не так. Живучи старые привычки. Так и морозом отчитываться в начале года о «процентах охвата», в о результатах вспоминаем только в конце. Да и те спорозоворкой: выполняли, мол, — и все тут. А нашей целью — не важно. Победителей не судят.

Если бы, к слову, мне самому пришлось выступать в роли организатора соцсоревнования, то я в первую очередь постарался бы изобрести возможности каждого.

Рабочий человек многое может сделать, когда ясно понимает значение своего вклада в общее дело. Иному может только и надо-то, чтобы его подтолкнули и растормозили. Зажгли ис-

порку самолюбия. Порой ведь и сказанного начальником обыкновенного «спасибо» бывает достаточно, чтобы он пошел, осознав свою полезность. Но, к сожалению, чаще слышится «давай-давай»...

Разумеется, того, кто делает больше, да лучше, нужно вознаграждать, премировать. Только непременно на людях. Меня, например, что греха таить, всегда рабует равет зависеть, когда кто-то хвалит: он может, а я — нет. Главное ведь не в деньгах: при хорошей работе и заработок высокий. Важно другое: победитель должен чувствовать, что его уважают за отличный труд, что он не винтик в сложной производственной машине, а основная фигура.

Соревнование — живое творчество масс, это истина азбучная. И я не могу до сих пор понять, как в процессе этого творчества поглядеть им процентоманию, понаущивчество. Почему во время не предусматривать вознаграждения «дел для галочки»?

Помню такой случай: на одном заводе рабочий валился обессиленным вместо одного зубчатого станка три. Невестно во вхтэ какие, но администрация, чтобы не отстать от других, объявила это начинание поощрением. Писали о «новаторе» в многотиражке, сама я в предвидении любого собрания. И вроде бы все шло как по маслу. Но вот беду новатора хитило ровно на столько, чтобы получить зарплату за всю выработанную продукцию. А как пришло время пересматривать нормы — «новатор» как ветром сдуло. Ушел на работу полегче: «За те же деньги — да так вернется? Не стану». Но вот что показательно: он еще долго жил за счет старых заслуг, числился передовиком, требовал к себе особого внима-

ния. И может быть, и по сей день блаженствовал бы, да раскусил его свои же товарищи — и развенчали.

Нравственное воспитание в соревновании представляется мне наиболее существенным, потому что как раз неустойчивость нравственной воли есть косяк, который вольно или невольно рождает дутых победителей.

Не так давно в «Ленинградской правде» была опубликована статья «Нравственные соревнования». В ней рассказывалось о том, как в торгово-закупочном центре «Пролетарий» организован учет ширпотреба. Естественно, пока рабочие осваивали новый вид продукции, нормы были довольно низкими, и многие опытные рабочие скоро начали выполнять их, как говорится, играючи. Выработка в среднем достигла 180 процентов.

И вот тогда один из формовщиков вдруг подхватил почин, широко распространил в Ленинграде: взял обязательство выполнять пятидневное задание за четыре дня. Оказалось, что для этого ему достаточно было лишь выполнить норму на 137 процентов. Осторожный «новатор» так и написал в своем обязательстве. Ну, разве полагается у кого-нибудь желание понаощившему составиться с тем, кто заранее обеспечил себе легкую победу? И выходит, что живой и творческий процесс подменяется ничем не значащей бумажкой. Соревнование облагораживает человека, а покажу его приножает. Значит, говорить мы вроде — вольно, а на самом — поперек.

Соревнование сегодня невозможно без точного экономического расчета, строго нормирования и учета, хорошей налаженной системы и четкой организации труда. В наши дни единичные восклицания «давай-давай» не обойдутся. И тот, кто думает иначе, либо не понимает его истинного значения, либо заботится только о своем собственном благополучии.

В. СЫРМАТНИКОВ, инженер-механик завода «Гидротурбин» ЛЕНИНГРАД

ЦЕННОСТИ ИСТИННЫЕ, ЦЕННОСТИ МНИМЫЕ...

ПОЧИНУ, как и новаторство вообще, бывает и истинные, и мнимые. Мнимые — как мотыльки, поймав сушки и исчезают: кажется, имне из них рождается только для того, чтобы промелькнуть на страницах газет. Иное дело — почин в стойке. В нем — проваление хозяйственного, творческого отношения к делу. Ведь любовь, даже скромное усовершенствование трудового процесса, выросте из действительной потребности производства, приносит несомненную пользу: помню всего прочего, тут проявляются энтузиазм, инициатива рабочих, их патриотизм по отношению к своему предприятию. А это уже много. И плохо, если энтузиазм становится в планировании и организации производства.

Вот один пример. Наш встречный план, наш трудовой почин, включая в себя не просто обязательство перевыполнить задание на столько-то процентов, как водилось, скажем, в практике встречных планов в тридцатые годы. Нет, мы обязались изготовить сверх плана определенное количество готовых изделий — в объеме, установленном по согласованию с плановыми органами. Однако для дополнительного числа изделий нужны дополнительные материалы, средства — словом, ресурсы. Трудно выполнять обязательство только за счет внутренних резервов и экзотомки. И все же, например, из тысячи тонн металла, необходимо, чтобы изготовить дополнительно 50 тонн металла, вводу выдали только пятьсот тонн.

Но нам еще повезло. Как мне известно, некоторые другие заводы отрасли, поддерживавшие наш почин и принявшие встречные планы на 1974 год, не получили и того.

Кажется, я буду отвечать одновременно и на третий вопрос анкеты, но на правителе почин, обязательство и планы материально-технического снабжения настолько взаимосвязаны, что трудно говорить о них порознь. Кстати, случается, что иные предприятия попросту используют «изобретение почин» для того, чтобы «выбить» дополнительные фонды. Отчасти и в этом, может быть, причина скоротечности мнимых почин. Хотят как правдоподобно, почин — плод искреннего и горячего желания лучше работать.

Не спорю: на каждом предприятии есть в своем внутреннем резерве, подполье, которые — одна из целей соревнования. И вот такие резервы и у нас; не так, выходя из их на стод. План у завода стал действительно напряженным, требующим мобилизации всех сил. И пусть мне директор, глядя на наш не легкий хлеб, удовольствоваться осторожным использованием своих резервов. Я не считаю таких за большие мушкетеры. А кому сказать лишь одно: да за счет внутренних резервов можно идти вперед. Но мы пошли бы еще быстрее, если бы повышением обязательств поддерживались в должной мере и материальным обеспечением со стороны плановых органов.

Да, слова о соревновании в целом. Достаточно ли для успеха использовать лишь его традиционные формы? Или конкретнее спросить: для чего нужны блоки-картеры, сверх плана обработанные механическими цехом, если сборщики не могут набить их «внутренними» и сделать на них целине агрегаты?

Мы на «Компрессоре» ивели и договоры на так называемое сквозное социалистическое соревнование. Грубо говоря, если литейский цех обязался выплавить сверх плана три блока-картера, то одновременно и рабочие механического цеха, и сборщики в совместном договоре обещают их обработать, собрать компрессор. При таком подходе ясно цель: сделать три дополнительных агрегата. Причем по машин условиям никто из участвующих в договоре не получает премии, если эта цель не достигнута — пусть даже не вине смежника. Это хорошо понимают все, и все друг друга помогают, и все бьются в случае срыва, жалуются в дирекцию. Крепнет верность делу, которое рабочие дают друг другу и вместе — волюнтаризму.

Мы справедливо говорим о стимулировании участников соревнования, о награждении победителей. А пришлось кому-либо слышать о мерах, санкциях, применяемых и проигравшему? Я не слышал. Между тем убежден, что отстающий должен осущию преувеличивать свое положение. Взял обязательство — и не сдержал. Подвела дружба. Почему все это происходит, если нелице — безынициативность, небодросственность?

М. МАЦ, директор массового овдана Ленинского района Крайнего Заванского завода холодильного оборудования «Компрессор»

ПОМНЮ, как неожиданно тронуло, прямо в сердце, письмо Константина Федина и Алексея Максимова Горькому. Молодой писатель говорил о некоторых аспектах своего характера, неизбежно влияющих и на мировоззрение его, и на творчество. Когда я вижу на улице проезжающего человека, Федин, вальяжно улыбаясь, вглядываясь в лица окружающих, а рядом обидчиво извещаю клячу, то как бы не был рев, породив, горю, соблазнами, все мои симпатии обращены к некапризной лошади, извозчика.

В этих по совершенно конкретному поводу написанных словах мне видится образ той внутренней нравственной позиции, которая воспитана в нас русской литературой, традициями нашей культуры да и всем демократическим развитием нашей жизни. Не только в литературном персонаже, но и в хорошем знакомом как-то настояжливает нас очевидное доведение до конца, упорство, собственная ответственность, безоблачное благодушие, не ослепленное жадностью. О человеке у нас в счастии не посплетают самые завистливые скелетики — судят более всего по уму, по способностям, даже по внешности, а не по содержанию его сберкинжи. Откровенный материальный успех в известном смысле самоприметирован в глазах общества, в потому даже всеобщая карьеристка будет морочить вам голову рассуждениями о тонкости своей науки, талогошей и замыслами, угодливостью. (Между прочим, по свидетельству старых фельетонистов, бытосметелей прошлого, знаменитые волжские купцы, денежные тузы и воротилы не любили распространяться о своих барышах, предпочитая «уточненные» беседы о потребностях души. Пусть это лицемерие, но оно показательное.)

По традиции, необычайно чуждо и в культуре нашей, в бытовом повседневном народном мнении моральной авторитет подвизника, беспроблемника, страдальца не за свое собственное, а за общее благо. Сколько романов, повестей, очерков написано о торжестве духовности и порыва на века, сколько мечтаний покоим! Как же молчаливо, рубищему будничной шашкой подпольные шифры и серванты Рабочий, пренебрегающий хорошим заработком, оставивший родной передовой коллектив ради воспитания отсталой бригады новиков или пьяниц, — ведь это же не исключение из правил, это целое движение.

Не принято ссылаться на собственный пример, но давно ли и сам я писал в «Литературной газете» об ограниченности материального идеала, обладал эстетичным вкусом, старинной бродягой, подвизавшись в некоторых фильмах, в свое содержание, выискивал Дом моделей за великосветские презантис? Что ж, разве откажусь я по простоватым временам от своих слов? Но откажусь и даже могу доложить несколько новых наблюдений.

Но спешить с вами не буду, поскольку с некоторыми пор неотвязно одолевает меня сомнения: не слишком ли безоглядно привлекли мы верить в благую звезду беспроблемника, «легкого человека», свободного от всяких соображений и обязательств, практического свойства? Ведь в жизни все взаимосвязано, и трудно вообразить, что «широкая натура», превращаясь в частую жизнь, малозначительные расчеты, а деятельности проповоздательской обречется энергичным и пунктуальным деятелем характера. Все больше складывается я к мысли, что безалаберность и неупорядоченность, а в порядке деятельности, объясняются во многом тем пенсивным мукам непрактичности, к которому, по традиции, принято питать пристрастие и даже благодарную слабость. По крайней мере климат добродетели, синхронности, в котором правятся все, какое различия, уверенность сложилась под напором постоянного поношения «мелочного расчета».

Единодушно и гневно клеймим мы пороком любителей «легкого» заработка, всякого рода калымщиков и шавалыков. Только вот ведь какова история, вообще возможность честного и приличного заработка, призрачного сделавшись как незаметно малоприятная вещь. В молодежной газете дискутируют, как быть с инстинктивным Колен, который во время канюки повола подвезти кусты и заработал на этом десять рублей, — похвалят, что или объявить скандалом и жмотом: все, видите ли, хваляет, а ему не хватает. Но ведь он работал, то есть, выражаясь возвышенно, участвовал в преобразовании мира, причем наверняка на лучшее участвовал, чем это делают шильники, которых «рав в год всеволды», полупрофурной компании выводит в городской сад на украшение деревьев. Эти

потому лучше, что чувствовал за свой труд личную ответственность.

А разве плохо, что студенты строительных отделов в своей трудовой семестр не просто обложиваются с жизнью, но только по-настоящему живут? И не потому ли, что в них, в этих студентах, столько энергии, столько стремления, столько жажды знания, столько жажды творчества, столько жажды самореализации? И не потому ли, что в них, в этих студентах, столько энергии, столько стремления, столько жажды знания, столько жажды творчества, столько жажды самореализации?

Вот тут самое время усомниться в непоколебимой справедливости еще одного расхожего мнения. А именно: истинно ли мы предусмотрительны и дальновидны, когда, обличая хищную власть вещей над человеческими душами, расширительно переносим свой праведный гнев на самих вещи? Не в этом ли преобращении к «грозному уюту», «тряпкам» и «жестякам» кроется, отчасти хотя бы, причина нашего застоявшегося отставания качества товаров широкого потребления? Одежды, обуви, мебели, посуды? Логика здесь проста. Высокого качества вещь, ее добротность, удобство, красоты добивается лишь тот, кто вещь любит. Кто по крайней мере знает в ней толк.

Но ведь едва ли не хорошим тоном считается трех-

сальный. Прежде всего, материальный, разумеется. А моральный? Ведь пропагандируется, перечеркивается, одлевается самое святое, чем только жив на земле человек. — труд его рук, его ума, его сердца. Во имя чего же? На что же? И не потому ли, что в них, в этих студентах, столько энергии, столько стремления, столько жажды знания, столько жажды творчества, столько жажды самореализации?

Я, КОНЕЧНО, не настолько самонадеян, чтобы, не имея под рукой восторженных социологических, статистических, экономических данных, раз и навсегда назвать в этой статье причины всех возможных неуязвимостей и противоречий между человеком и миром окружающих его вещей. Но кажется мне, что недооценка этого мира creativa еще одним неприятным явлением. Утрачена простота, снижен уровень профессионального уровня. Отсутствует трудовой престиж. Особенно в сферах традиционного идишного труда, где вещь так сказать, продукт производства находится в ведении конкретного мастера. Нам известно о молодых портных, знаменитых сапожниках, аналярах, прасодерешках, кондитерах, поварах? Где они, создатели шедевров («шедевры» — ведь изначально ремесленное слово), русские Лешин, «старосты» прославившиеся мужики, преумножившие

свой талант знанием и умением двадцатого века?

В очерке В. Коношинского «Букет от Юры» портючки удивляются тому, что общественный престиж скорняка выше, чем инженера. Между тем разгадать этот парадокс несложно. Профессия инженера сделанная очень распространяется, может быть, даже урестур распространяется и доступна. Ремесло же скорняка, редкое, не скорняки, стилисты, те, кто презирают, а заняты едва ли не занятием в первоклассных мастерах, способных ежедневно своими руками создавать шедевры, возмущающие, украшающие и облагораживающие будничную жизнь, как никогда, велика. Уме потому хотя бы, что право украшать и облагораживать жизнь принадлежит не кругу избранных, а в полном и конкретном смысле слова — всему народу. Однако нежелание паде осуществлению лишь с трудом.

Итак, несмотря на нужду в специалистах, несмотря на их относительно высокие заработки и на то, что они, по справедливому свидетельству героев эссе «Букет от Юры», пользуются особой благосклонностью некоторых дам, притягательностью для молодежи эти изящные, как род людской, профессии, очевидно, не обладают, я не склонен превеличивать в этом смысле роль пьес, где журавли «обязываются» если не зубной техникой, то и всевозможными аксессуарами. Они написаны не с целью опорочить эти занятия, и все же нигде не дешевые: определенное общественное мнение по-прежнему создается. И вот результат: девушки, закончившие швейные или музические техникумы и ПТУ, вроде бы стесняются своих профессий, и не прельщаются хорошими заработками, а поворачиваются к нормальным профессиям, которые кажутся им более социальными и уважаемыми. Устойчивость такого мнения приводит даже и внутренним драмам.

Расскажу историю одного двадцатилетнего инженера. Это не выдающийся инженер, но человек, который, по суду по Вени, и с большим одаренным. Инженером он стал по настоянию родителей и потому, что там была притягательная среда, а тот, кто вырос в Иадо Вилое, куда он пошел в детстве, а потом, так а зарекой, а политехнический, так а политехнический. Считается, что во времена аса образовался. Да вот на образовался, в ИИИ, где вступил наш герой, а за

воту: теперь он одеть предлагается изобретателем водогрейного транспортабельного котла. И в этом, и в другом случае, иждущее решение.

Вышло все это в истории Ломанина Вилое И все же главным роль сыграло в ней нечто другое — в главном, которому я не в силах подобрать название. Но надо хотя бы для удобства рассказа найти ему наименование, пусть условное, и я позволю себе назвать его несмешным снобизмом — в отличие от обычного снобизма, который смешон.

Есть упование в бою и бездны мрачной на краю. И есть упование в раскрытии тайн природы. И в помощи другому человеку. Но есть и наслаждение в витийстве за прирешенным или деловым столом. И упование в осмеянии манер, причесок других людей, в утверждении превосходства своего собственного образа. Можно видеть в истинном слете себя, других и то, что надо делать, как поступать, а можно видеть странно искаженно и следовать странному, искаженному.

В ироническом плаве трагедии в словарях понятие «сноб» — это человек, преклоняющийся перед модой, старяющийся подражать манерам, вкусам так называемого высшего света. И впрямь можно было бы понюхать провозомодом человека, если бы он кому-то стереотипу только подражал. А он ведь еще и глашатай этого стереотипа, в своем кругу законодатель,

чем, — лишь бы двигалась. И в том, и в другом случае, иждущее решение.

Вышло все это в истории Ломанина Вилое И все же главным роль сыграло в ней нечто другое — в главном, которому я не в силах подобрать название. Но надо хотя бы для удобства рассказа найти ему наименование, пусть условное, и я позволю себе назвать его несмешным снобизмом — в отличие от обычного снобизма, который смешон.

Есть упование в бою и бездны мрачной на краю. И есть упование в раскрытии тайн природы. И в помощи другому человеку. Но есть и наслаждение в витийстве за прирешенным или деловым столом. И упование в осмеянии манер, причесок других людей, в утверждении превосходства своего собственного образа. Можно видеть в истинном слете себя, других и то, что надо делать, как поступать, а можно видеть странно искаженно и следовать странному, искаженному.

В ироническом плаве трагедии в словарях понятие «сноб» — это человек, преклоняющийся перед модой, старяющийся подражать манерам, вкусам так называемого высшего света. И впрямь можно было бы понюхать провозомодом человека, если бы он кому-то стереотипу только подражал. А он ведь еще и глашатай этого стереотипа, в своем кругу законодатель,

чем, — лишь бы двигалась. И в том, и в другом случае, иждущее решение.

Вышло все это в истории Ломанина Вилое И все же главным роль сыграло в ней нечто другое — в главном, которому я не в силах подобрать название. Но надо хотя бы для удобства рассказа найти ему наименование, пусть условное, и я позволю себе назвать его несмешным снобизмом — в отличие от обычного снобизма, который смешон.

Есть упование в бою и бездны мрачной на краю. И есть упование в раскрытии тайн природы. И в помощи другому человеку. Но есть и наслаждение в витийстве за прирешенным или деловым столом. И упование в осмеянии манер, причесок других людей, в утверждении превосходства своего собственного образа. Можно видеть в истинном слете себя, других и то, что надо делать, как поступать, а можно видеть странно искаженно и следовать странному, искаженному.

В ироническом плаве трагедии в словарях понятие «сноб» — это человек, преклоняющийся перед модой, старяющийся подражать манерам, вкусам так называемого высшего света. И впрямь можно было бы понюхать провозомодом человека, если бы он кому-то стереотипу только подражал. А он ведь еще и глашатай этого стереотипа, в своем кругу законодатель,

чем, — лишь бы двигалась. И в том, и в другом случае, иждущее решение.

Вышло все это в истории Ломанина Вилое И все же главным роль сыграло в ней нечто другое — в главном, которому я не в силах подобрать название. Но надо хотя бы для удобства рассказа найти ему наименование, пусть условное, и я позволю себе назвать его несмешным снобизмом — в отличие от обычного снобизма, который смешон.

Есть упование в бою и бездны мрачной на краю. И есть упование в раскрытии тайн природы. И в помощи другому человеку. Но есть и наслаждение в витийстве за прирешенным или деловым столом. И упование в осмеянии манер, причесок других людей, в утверждении превосходства своего собственного образа. Можно видеть в истинном слете себя, других и то, что надо делать, как поступать, а можно видеть странно искаженно и следовать странному, искаженному.

В ироническом плаве трагедии в словарях понятие «сноб» — это человек, преклоняющийся перед модой, старяющийся подражать манерам, вкусам так называемого высшего света. И впрямь можно было бы понюхать провозомодом человека, если бы он кому-то стереотипу только подражал. А он ведь еще и глашатай этого стереотипа, в своем кругу законодатель,

Ан. МАКАРОВ

рывать вещь, презирать, в лучшем случае относиться к ней с очевидным равнодушием. Какого же качества товаров можно ожидать в атмосфере такого «сверххудожного» к этим товарам высокомерия?

Между тем именно это неуязвимо неизбежно вызывает противоположную крайность: фетишизацию вещей. Только нехватка хороших товаров провоцирует истеричный покупательский бум вокруг любого мало-мальского приятного изделия. Ведь если бы теоретики и практикеры легкой промышленности не уклонились изобретательно от моды, не обвиняли ее во всех смертных грехах, и прежде всего в подрыве человеческого здоровья, а, напротив, изучали ее и планировали внедрять, сколько нравственных и физических сил и впрямь было бы сэкономлено! Не столь вредны сами по себе пресловутые «платформы», сколько неустоявшаяся беготня за ними. А как выгодно отразилось бы исчезновение дефицита на духовном здоровье общества в целом! Не только крах спекуляции имел и сейчас в виду, но явление более тонкое, толка морального, и прежде всего — дискредитацию потребительской психологии, обожествляющей вещь. В то время, как вещь необходимо просто ценить. И уметь ее хорошо делать. Тогда ограда, идет в пьесе Шварца, займет свое место: в сознании одного человека — мажор, в сознании другого — больше.

Каждый человек сам для себя решает, кем ему быть — запятым модником или же вольнодумцем, пренебрегающим измечтанным общественным вкусом, поклонником рационального мебельного «модерна» или же принципиальным ретроградом с его верой в эстетику самоваров и абажуров с кистями. Но в том-то и дело, что и тому, и другому промышленность и торговля должны предоставлять равные возможности.

Во всяком случае, обличая внешний мир в трудовой стране, где большая часть населения занята созданием этого самого мира, вроде бы даже и странно. И очень несправедливо. По скольку поощряется при этом, кроме всего прочего, заурядное и расхожее бытовое варварство... Ободранные лифты, вывороченный кафель, вырванные с корнем телефонные трубки — на это будничные вандализм как-то и не принято обращать особого внимания. Хотя несомненно, что

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Мне 74 года. Третьдцать лет я борюсь за осуществление одной важной технической идеи, но мало кого убедил. Тогда я ушел на пенсию, чтобы самому ее воплотить, сделав заявку на изобретение водогрейного транспортабельного котла для кавартовых котельных, но по-прежнему в научно-исследовательских и проектных институтах делу моему. Двенадцать лет там не дадут хода моему изобретению, и только производственным людям практического действия, поддерживают его.

В. ЛОМАНИН

Я СЛУШАЛ старика

со снисходительной печалью. Вот еще один изобретатель-неудачник. Водогрейный котел... Да их — водогрейных и паровых котлов различного типа — в мире и так уж превеликое множество.

Позднее я убедился, что несправедлива и фальшива моя снисходительная печаль. Небольшое изобретение Ломанина уже приносит пользу. В каждом отзыве практиков утверждается одно и то же: котлы Ломанина высокоэффективны.

Б. РЫМАРЬ

МЫСТРСТВА СТАРОГО ЧЕЛОВЕКА

За этими вопросами стоит гигантский круг взаимоотношений и взаимодействий, которые связывают или разъединяют наши дела и дела чужие. Каждый из нас, покуда мы находимся на государственной службе, есть должностное лицо, нам поручены какие-то задачи, мы их решаем. Но и другие люди выполняют не менее важные задачи, и очень естественно, как мы встречаем этих людей, когда они приходят за содействием: безразлично или с желанием помочь?

Так вот как встречали Ломанина и на что он тратил многие годы.

Более трех лет ушло у Василия Васильевича на переписку и хождения в рабочим Комитете по делам изобретений и открытий, чтобы убедить их, да, он сделал изобретение. Пока ходил, пока убеждал и признавал, исполнилось ему 65 лет. Но затем вдруг в комитете спохватились и аннулировали как ошибочное выданное старика авторское свидетельство. Василий Васильевич больше не изобретатель. Кто же он тогда? Ломанин начинает новые круги хождения по институтам, а кругов много. Пока все исходило, стало ему 70 лет. Так вот, значит, ходит он, ходит, убеждает, устно, убеждает письменно. И вновь доказал свою пра-

Б. РЫМАРЬ

О судьбе одного изобретения, несмешном снобизме, который часто порождает ошибки

КОГДА МЫ ОШИБАЕМСЯ!

Размышляя над этим, Дж. Холпин ставит вот какой вопрос: а так ли уж это верно, что человек ошибается неизбежно? И отвечает: нет, при определенных обстоятельствах он стремится к совершенству и не будет того же от других. Как же это обстоятельство? Те, которые непосредственно затрагивают интересы индивидуума. Даже 5 процентов своего рабочего времени человек не станет носить на одной ноге черной ботинок, а на другой — коричневый, он непременно наденет нужную пару. Возвращаясь с работы домой, он обязательно откроет дверь своей квартиры, а не чужой — тут и 5 процентов ошибок не будет. И он непременно потребует совершенства работы, скажем, от зубного врача. Если стоматолог удалит зубной зуб вместо больного, разве пациент отнесется к этому снисходительно и заявит: «Ну что ж, человеку свойственно ошибаться?»

Только «игрой» на личном интересе можно добиться от человека безышечной, бездефектной работы; иллюзорной общности и общности: пружинной служит лишь личный интерес — таков, в сущности, ответ капиталистического менеджера.

Советская социальная практика дает иной ответ. Общее, общественно полезное воспринимается людьми как свое, личное, нужное каждому. Вместе с тем мы понимаем, что личная заинтересованность — важный экономический и моральный рычаг. Значит, вопросы над которыми размышлял Холпин, и нам безразличны.

Но вот другая сторона той же медали, о которой гд Холпин не размышляет. Была субпо личное интереса — а как-то душах волаждает, доходит до крайних выражений, мы стремимся даже в «лучшем варианте» с людьми нетерпимыми. Они эгоцентричны, равнодушны к делам и работам других людей. Огромный потенциал отрицания, концентрации устремлений на самих себя. Это их составляет поле тяготения к ошибкам. Такой человек «действует», соорудив с двумя излюбленными им теориями. По одной теории, каждая бумага должна отлеживаться. Если она лежит, а на черт, о ней не напоминает, то и запомнить ее не следует. По другой теории, каждая бумага должна двигаться. Неважно, куда и за-

ЧУЖИЕ ДЕЛА

О судьбе одного изобретения, несмешном снобизме, который часто порождает ошибки

КОГДА МЫ ОШИБАЕМСЯ!

Размышляя над этим, Дж. Холпин ставит вот какой вопрос: а так ли уж это верно, что человек ошибается неизбежно? И отвечает: нет, при определенных обстоятельствах он стремится к совершенству и не будет того же от других. Как же это обстоятельство? Те, которые непосредственно затрагивают интересы индивидуума. Даже 5 процентов своего рабочего времени человек не станет носить на одной ноге черной ботинок, а на другой — коричневый, он непременно наденет нужную пару. Возвращаясь с работы домой, он обязательно откроет дверь своей квартиры, а не чужой — тут и 5 процентов ошибок не будет. И он непременно потребует совершенства работы, скажем, от зубного врача. Если стоматолог удалит зубной зуб вместо больного, разве пациент отнесется к этому снисходительно и заявит: «Ну что ж, человеку свойственно ошибаться?»

Только «игрой» на личном интересе можно добиться от человека безышечной, бездефектной работы; иллюзорной общности и общности: пружинной служит лишь личный интерес — таков, в сущности, ответ капиталистического менеджера.

Советская социальная практика дает иной ответ. Общее, общественно полезное воспринимается людьми как свое, личное, нужное каждому. Вместе с тем мы понимаем, что личная заинтересованность — важный экономический и моральный рычаг. Значит, вопросы над которыми размышлял Холпин, и нам безразличны.

Но вот другая сторона той же медали, о которой гд Холпин не размышляет. Была субпо личное интереса — а как-то душах волаждает, доходит до крайних выражений, мы стремимся даже в «лучшем варианте» с людьми нетерпимыми. Они эгоцентричны, равнодушны к делам и работам других людей. Огромный потенциал отрицания, концентрации устремлений на самих себя. Это их составляет поле тяготения к ошибкам. Такой человек «действует», соорудив с двумя излюбленными им теориями. По одной теории, каждая бумага должна отлеживаться. Если она лежит, а на черт, о ней не напоминает, то и запомнить ее не следует. По другой теории, каждая бумага должна двигаться. Неважно, куда и за-

ЧУЖИЕ ДЕЛА

О судьбе одного изобретения, несмешном снобизме, который часто порождает ошибки

КОГДА МЫ ОШИБАЕМСЯ!

Размышляя над этим, Дж. Холпин ставит вот какой вопрос: а так ли уж это верно, что человек ошибается неизбежно? И отвечает: нет, при определенных обстоятельствах он стремится к совершенству и не будет того же от других. Как же это обстоятельство? Те, которые непосредственно затрагивают интересы индивидуума. Даже 5 процентов своего рабочего времени человек не станет носить на одной ноге черной ботинок, а на другой — коричневый, он непременно наденет нужную пару. Возвращаясь с работы домой, он обязательно откроет дверь своей квартиры, а не чужой — тут и 5 процентов ошибок не будет. И он непременно потребует совершенства работы, скажем, от зубного врача. Если стоматолог удалит зубной зуб вместо больного, разве пациент отнесется к этому снисходительно и заявит: «Ну что ж, человеку свойственно ошибаться?»

Только «игрой» на личном интересе можно добиться от человека безышечной, бездефектной работы; иллюзорной общности и общности: пружинной служит лишь личный интерес — таков, в сущности, ответ капиталистического менеджера.

Советская социальная практика дает иной ответ. Общее, общественно полезное воспринимается людьми как свое, личное, нужное каждому. Вместе с тем мы понимаем, что личная заинтересованность — важный экономический и моральный рычаг. Значит, вопросы над которыми размышлял Холпин, и нам безразличны.

Но вот другая сторона той же медали, о которой гд Холпин не размышляет. Была субпо личное интереса — а как-то душах волаждает, доходит до крайних выражений, мы стремимся даже в «лучшем варианте» с людьми нетерпимыми. Они эгоцентричны, равнодушны к делам и работам других людей. Огромный потенциал отрицания, концентрации устремлений на самих себя. Это их составляет поле тяготения к ошибкам. Такой человек «действует», соорудив с двумя излюбленными им теориями. По одной теории, каждая бумага должна отлеживаться. Если она лежит, а на черт, о ней не напоминает, то и запомнить ее не следует. По другой теории, каждая бумага должна двигаться. Неважно, куда и за-

ЧУЖИЕ ДЕЛА

О судьбе одного изобретения, несмешном снобизме, который часто порождает ошибки

КОГДА МЫ ОШИБАЕМСЯ!

Размышляя над этим, Дж. Холпин ставит вот какой вопрос: а так ли уж это верно, что человек ошибается неизбежно? И отвечает: нет, при определенных обстоятельствах он стремится к совершенству и не будет того же от других. Как же это обстоятельство? Те, которые непосредственно затрагивают интересы индивидуума. Даже 5 процентов своего рабочего времени человек не станет носить на одной ноге черной ботинок, а на другой — коричневый, он непременно наденет нужную пару. Возвращаясь с работы домой, он обязательно откроет дверь своей квартиры, а не чужой — тут и 5 процентов ошибок не будет. И он непременно потребует совершенства работы, скажем, от зубного врача. Если стоматолог удалит зубной зуб вместо больного, разве пациент отнесется к этому снисходительно и заявит: «Ну что ж, человеку свойственно ошибаться?»

Только «игрой» на личном интересе можно добиться от человека безышечной, бездефектной работы; иллюзорной общности и общности: пружинной служит лишь личный интерес — таков, в сущности, ответ капиталистического менеджера.

Советская социальная практика дает иной ответ. Общее, общественно полезное воспринимается людьми как свое, личное, нужное каждому. Вместе с тем мы понимаем, что личная заинтересованность — важный экономический и моральный рычаг. Значит, вопросы над которыми размышлял Холпин, и нам безразличны.

Но вот другая сторона той же медали, о которой гд Холпин не размышляет. Была субпо личное интереса — а как-то душах волаждает, доходит до крайних выражений, мы стремимся даже в «лучшем варианте» с людьми нетерпимыми. Они эгоцентричны, равнодушны к делам и работам других людей. Огромный потенциал отрицания, концентрации устремлений на самих себя. Это их составляет поле тяготения к ошибкам. Такой человек «действует», соорудив с двумя излюбленными им теориями. По одной теории, каждая бумага должна отлеживаться. Если она лежит, а на черт, о ней не напоминает, то и запомнить ее не следует. По другой теории, каждая бумага должна двигаться. Неважно, куда и за-

ПЕРВЫЙ ВАЛ.

Фото А. НАГРАБЛИНА

СПЕЦИАЛИСТЫ АНАЛИЗИРУЮТ ОТВЕТЫ ЧИТАТЕЛЕЙ НА АНКЕТУ «ЛГ» О ПРОПАГАНДЕ МЕДИЦИНСКИХ ЗНАНИЙ

1360 РЕЦЕПТОВ ВРАЧУ

КАК ЕСТЬ? Как пить? Как дышать? В былые времена такие вопросы...

Там далее. И тому подобное. Если относиться ко всем этим сообщениям...

головом «Морковная диета следовало, что он предпочел... Как установило расследование...

ришусь, врач их семьи, сказал следующее, что он предпочел... Если даже невзначай морковный сок...

доверия относятся к этим сообщениям! Чтобы получить хотя бы приблизительную...

(47,3 процента) не отказались от спиртных напитков от курения...

ди пенсионеров чисто изменивших образ жизни и отказавшихся от ряда привычек...

включая передачи спортивной соразмерности. Ответы на анкету довольно точно укажут на некоторые недостатки в организации...

ИНТЕРЕС И НЕОБХОДИМОСТЬ

На анкету о медицинской пропаганде, напечатанную в «Литературной газете» 31 октября 1973 года, было получено 1360 полных и правдивых ответов...

каждом третьем случае обращения к врачу спустя 24 часа после первого приступа острого аппендицита...

опрошенных нами волнует прежде всего этот вопрос. 5,3 процента интересуются гигиеной интимной жизни...

проблема — качество информации. Следующий вопрос анкеты касался убедительности медицинской информации...

сожалению, несбалансированно. Каждый из них стремится популярно изложить суть дела. Но всегда ли остается эта суть неискаженной...

Итак, 52,7 процента читателей, приславших ответы на анкету, полагают, что медицинская информация...

Однако иногда, судя по анкетам, отдельные люди делают из информации по вопросам питания неправильные выводы...

Еще один вывод связан с очевидной необходимостью повышения ответственности средств массовой информации за качество научной медицинской пропаганды...

ВОЗРАСТ, ПОЛ, ПРОФЕССИЯ

Table with 4 columns: Социальные группы, Мужчины, Женщины, Всего. Rows include Студенты, Пенсионеры, Инженеры-технические работники, Рабочие, Инженеры-конструкторы, Ученые, Домохозяйки.

Вот как распределились 1360 писем-ответов в зависимости от принадлежности читателей к той или иной социальной группе.

Средства массовой информации — основной источник получения сведений по вопросам охраны здоровья. Анализ анкеты «ЛГ» подтверждает эти данные...

На наш взгляд, в каждом обращении специалиста или журналиста к массовой аудитории должно содержаться четкое определение достоверности научных сведений...

Возьмем для примера отказ от лекарств — отказался от них под влиянием прессы 8 мужчин и 12 женщин. Если речь идет здесь об отказе от приема лекарств без назначения врача...

Весьма отродно заметить, что четвертая часть людей, изменивших поведение, стала заниматься физкультурой и спортом — 28,9 процента.

Несомненно, что в привлечении людей к занятиям физкультурой сыграли роль и введение нового комплекса ГТО, и настоятельная пропаганда физкультуры и спорта по всем каналам массовой информации.

Д. ЛОРАНСКИЙ, директор Института санитарии и гигиены; А. ШИВАВА, заместитель по науке; Л. БАРАНОВСКИЙ, Е. МИЛОВИДОВА, руководители отделов.

ФАКТЫ И ГИПОТЕЗЫ

МАЛЬЧИК ИЛИ ДЕВОЧКА?

СРЕДИ всевозможных чудес, которые будущим поколениям обещают нам в недалеком будущем, — возможность выбирать пол будущего ребенка...

студентов Принстонского университета, то есть людей, которым предстоит стать родителями в недалеком будущем...

значению для Фантороз уменьшается, и в то же время возрастает, что и в целом приводит к тому, что в прошлом рождался на практике чуть больше мальчиков...

дочери более привязаны к родителям и оказывают им в старости большую моральную поддержку; кроме того, мальчики требуют более ранней специальной подготовки...

ФЛИНН НЕ БОИТСЯ УГРОЗ

В Соединенных Штатах растет интерес к нашей стране, и улучшение советско-американских отношений приобретает конкретные формы. Открылось Советское генеральное консульство в Сан-Франциско. Ширится обмен торговыми делами между Советским Союзом и Соединенными Штатами. В штате Нью-Йорк продвигаются тракторы «Беларусь».

Мне о том, как ей удалось достать советский кинофильм «Король Лир» для демонстрации на «кампусе». Во всей Калифорнии не было ни одной копии фильма. Интерес же студентов к советской интерпретации «Короля Лира» был так велик, что Линда Бус обратилась за содействием в Генеральное консульство СССР в Сан-Франциско. В результате студенты увидели фильм. Успешно развивается обмен преподавателями между советскими и американскими университетами.

В Сан-Диего профессор Майкл Реал рассказывал мне о своей поездке в нашу страну в 1972 году. Сейчас он преподает журналистику в университете Калифорнии, но несколько лет назад был католическим священником. Три года, которые он провел среди клериков, внушили ему отвращение к религии.

В Филадельфии профессор Джордж Гербер, декан Школы журналистики Пенсильванского университета, говорил мне, что осенью этого года он будет читать лекции в Москве. В Лос-Анджелесе профессор Ричард Лизн, специалист по современной американской литературе, рассказывал мне о своих планах прочесть курс лекций в Советском Союзе в 1975 году. В свое время он изучал русский язык, а теперь надеется усовершенствовать свои знания. Профессор Лизн просил передать привет профессору Ричарду Бриджмену, который сейчас читает лекции по литературе США в Московском университете.

В самых различных городах Америки я встречал людей, побывавших в нашей стране. В небольшом городке Дарен (штат Коннектикут) Маргарет Чедер, писательница, помогавшая Драйзеру завершить работу над романом «Оплот», рассказывала мне о своих впечатлениях о поездке в СССР прошлым летом — она побывала в Ленинграде, Москве и Ярославле. Она знает русский язык, в 1963 году участвовала во Всемирном конгрессе женщин в Москве. Маргарет Чедер показывала мне сувениры, фотографии, книги, которые привезла из Советского Союза, и гово-

рило, что в скором времени надеется снова к нам приехать. В Сан-Диего профессор Майкл Реал рассказывал мне о своей поездке в нашу страну в 1972 году. Сейчас он преподает журналистику в университете Калифорнии, но несколько лет назад был католическим священником. Три года, которые он провел среди клериков, внушили ему отвращение к религии.

охотно отвечает на них. В доказательство своей версии она приводит тот факт, что несколько дней назад Марко Вьяджи позвонил ей детскую колеску. Сразу же после этого на экране появилась Марко Вьяджи с багровыми щеками, с опухшими глазами. Он выпил с ней чашку кофе, — патетически заявляет он, — У меня жена и четверо детей. Я просто не представ-

средства массовой информации — используются для подрыва политического разрядки. По телевидению то и дело выступают комментаторы, которые пытаются не только дискредитировать идею разрядки в международных отношениях, но и воспрепятствовать дальнейшему расширению советско-американских торговых связей. Так, в Сан-Диего я увидел на телеэкране комментатора, выступавшего чуть ли не в заговор против Америки.

Профессор Я. ЗАСУРСКИЙ

ВЕСПОКОЙНАЯ ВЕСА

ИЗ АМЕРИКАНСКИХ ЗАПИСЕЙ

Майкл Реал отказался от своего сана и поступил в университет, где защитил диссертацию о средствах массовой информации. Сейчас ему 34 года, он интересуется советской научной литературой и, возможно, снова приедет в СССР.

Девятнадцатилетняя Джей — дочь декана Школы журналистики Джона Адамса — с горящими глазами вспоминала о том, как ее учительница рассказывала о своей поездке в Советский Союз.

«Отношение мыслящих американцев к благоприятному развитию советско-американских контактов очень точно сформулировал профессор Темплуто-го университета Гэллод Лерой: «Видит Леонид Ильич Брежнев был самым важным событием в истории Соединенных Штатов Америки за последние десятилетия, и мы приветствуем его результаты».

Завод закрыт — работы нет...

против продажи Советскому Союзу фосфатов. Его аргументация сводилась к следующему: во-первых, русские могут использовать фосфаты в качестве стратегического сырья; во-вторых, продажа фосфатов неизбежно приведет к росту цен на удобрения в Соединенных Штатах и соответственно к удорожанию сельскохозяйственных продуктов.

«Логические» схемы подобного рода исключают серьезный подход к торговым связям и любое деловое соглашение превращают

Трудную весну пережила Америка, и новые горькие ноты зазвучали даже в рекламных «Веттер хоуме» Гарденсе — журнал на тему модности — журнал на тему модности — журнал на тему модности. Под фотографией — текст: «Великая американская мечта — обеспечение во время работы и хороший пенсия после ухода на покой. Но, к сожалению, уходи на пенсию остается мечтой для множества людей, которые проработали в компаниях по 20—30 лет; пенсионные планы сплели в рядом слушат слушавшего жестоко разочарованы».

РИТМЫ СОЦИАЛИЗМА

ПОЛЬША. Химический завод в Ясло сооружается при техническом содействии СССР. Советский инженер Валерий Антонович (слева) и польский сварщик Станислав Фундаковский на строительстве завода. Фото ЦАФ—ТАСС

ЧЕХОСЛОВАКИЯ. Новый район Праги

ГДР. На одной из улиц Лейпцига. Фото М. ТРАХМАНА

Окончание. Начало на в-а стр.

Разноцветы на полу блондоты, распыленные магнитофонные записи, фотографии. И ты пытаешься вызвать «все это к жизни вновь».

Чтобы читатель вместе с тобой разделит, скажем, чувство удивления, тревоги и растерянности, которое испытал журналист при первой встрече с Лиссабоном, где, кажется, ничего не изменилось после 25 апреля, где, кроме загоревших дозвонков на белых предсталах под позеленевшими от времени памятниками, нет никаких внешних свидетельств того, что произошло. «Или все уже прошло, или еще ничего не началось», — думает журналист, приехавший писать о горячих событиях.

Журналиста еще в Москве поразило обстоятельство, что фашизм в Португалии испустил дух «мирно», без крови и выстрелов. Португальцы с юмором объясняли ему это мягкостью своего национального характера.

Приводились и другие доводы. Но журналист продолжал относиться к этим объяснениям с некоторой скептицизмом, памятуя, что те же португальцы в колониальной войне против народов Анголы, Мозамбика и Гвиней (Бисау) показали и другие стороны своего характера. Впрочем, колониальная война, которая ведется не по воле, а вопреки воле народа, война несправедливая, не может служить «лакмусом» национального характера. Журналист все-таки был склонен объяснить «мирную» смерть фашизма в Португалии не простыми национальными причинами, а тем обстоятельством, что фашизм был настолько неясен португальскому народу, настолько дискредитировал себя во всех слоях португальского общества, что не нашлось там значительной силы, которая могла бы эффективно защитить презираемый народом строй.

«Во драматичной гражданской войне в Испании республиканские бойцы смотрели «Мы из Кронштадта» и стреляли из винтовок и пистолетов, когда видели на экране белогардейцев. В Португалии не стреляли из пистолетов или автоматов во время севасов «Потемкина». Здесь другая ситуация, другие офицеры и другие национальный характер. Но вдобавление этого фильма было огромным. И вот дополнительное доказательство тому: на кораблях армии матросы, не имеющие возможности попасть на «Потемкина» в Лиссабон, требовали, чтобы картину привозили и им, требовали специальных просмотров на кораблях и на береговых базах. Им привозили, и они шли смотреть «Потемкина» строем.

Португальские матросы. Отличные ребята. Они охраняют тюрьму Кашаса. Они стерегут здание, откуда действовала ПИДЕ. Они несут службу в здании Национального собрания. Там, где трудно, там моряки. Самая политизированная, левая, сознательная часть португальских вооруженных сил, участвующих в движении. И незвольничий параллели с нашими матросами времен марта-апреля 1917 года, хотя всякие исторические параллели, как не раз уже говорилось, опасны...

они долго и тщательно выписывали продукт, сверяясь с паспортом, придирчиво следили фотографировать нем с оригиналом и у входа в здание отбирали паспорт «под залог», выдавая вместо него продукт. И если они и не обещали пассажирам, что во всяком случае, опущивали его взглядом так тщательно, что от их недремлющего она не могла бы скрыться ни одна подозрительная складка одежды.

Журналист рассматривал Куньяла, как сам был возмущен до крайности, увидев на экране восторженную многотысячную толпу португальцев, встречающих руководителей португальской коммунистической партии. Товарищ Куньял сказал: «Встреча эта — лишь выражение чувств людей к партии, отражение ее влияния. Масса народа хочет выразить свои чувства не абстрактно, конкретно, применительно к какому-нибудь материальному объекту. — Он улыбнулся: — Вот я и оказался этим материальным объектом».

Журналист рассматривал Куньяла, как сам был возмущен до крайности, увидев на экране восторженную многотысячную толпу португальцев, встречающих руководителей португальской коммунистической партии. Товарищ Куньял сказал: «Встреча эта — лишь выражение чувств людей к партии, отражение ее влияния. Масса народа хочет выразить свои чувства не абстрактно, конкретно, применительно к какому-нибудь материальному объекту. — Он улыбнулся: — Вот я и оказался этим материальным объектом».

Журналист рассматривал Куньяла, как сам был возмущен до крайности, увидев на экране восторженную многотысячную толпу португальцев, встречающих руководителей португальской коммунистической партии. Товарищ Куньял сказал: «Встреча эта — лишь выражение чувств людей к партии, отражение ее влияния. Масса народа хочет выразить свои чувства не абстрактно, конкретно, применительно к какому-нибудь материальному объекту. — Он улыбнулся: — Вот я и оказался этим материальным объектом».

ПОРТУГАЛЬСКИЕ ОЧЕРТАНИЯ

Журналист рассматривал Куньяла, как сам был возмущен до крайности, увидев на экране восторженную многотысячную толпу португальцев, встречающих руководителей португальской коммунистической партии. Товарищ Куньял сказал: «Встреча эта — лишь выражение чувств людей к партии, отражение ее влияния. Масса народа хочет выразить свои чувства не абстрактно, конкретно, применительно к какому-нибудь материальному объекту. — Он улыбнулся: — Вот я и оказался этим материальным объектом».

Генрих ВОРОВНИК Лиссабон—Москва

